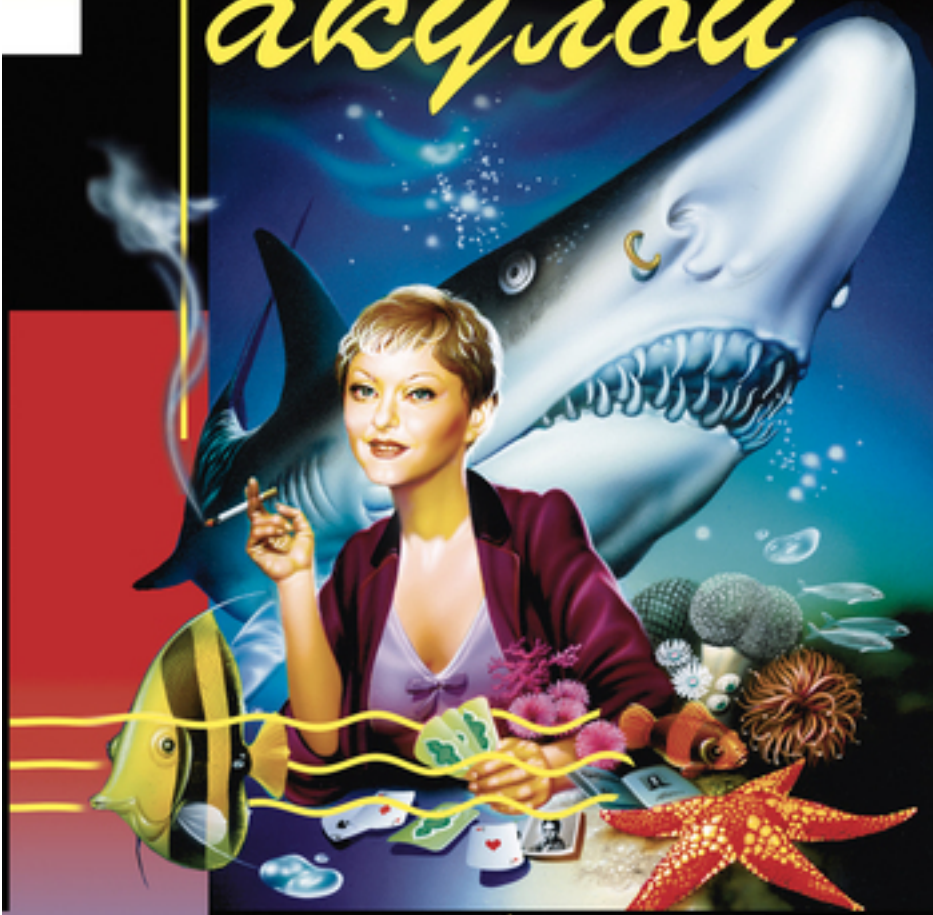

Дарья Донцова

Покер с акулой

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант

Дарья Донцова
Покер с акулой

«ЭКСМО»

2000

Донцова Д. А.

Покер с акулой / Д. А. Донцова — «Эксмо», 2000 — (Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант)

ISBN 5-04-008359-9

На дворе декабрь, а у меня земля горит под ногами! Сначала позвонила неизвестная женщина, перепутав мой телефон с номером подруги. Ей явно кто-то угрожал, и она молила о помощи. Конечно же, я, как полная дура, мчусь по названному адресу. Но звонившая... умирает у меня на руках. Чуть позже, занимаясь поисками пропавшей жены бензинового короля, мне удалось выйти на убийцу своей случайной телефонной знакомой. Но удача покинула меня – все свидетели мертвы... Попробуйте взять показания у трупа!..

ISBN 5-04-008359-9

© Донцова Д. А., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
ГЛАВА 6	32
ГЛАВА 7	37
ГЛАВА 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дарья Донцова

Покер с акулой

ГЛАВА 1

Огромный, похожий на медведя мужик несся по тускло освещенной улице, размахивая пистолетом. С подобным парнишкой не захочется столкнуться нос к носу даже ярким солнечным утром в толпе, состоящей сплошь из милиционеров. Уж слишком походил мужчина на зверя. Он бежал молча, сосредоточенно дыша, изредка выкрикивая ругательства. Я почувствовала, как от ужаса сжимается желудок и начинает болеть голова. В этот момент раздался тихий шелчок. Преследователь коротко всхлипнул и плашмя рухнул вперед. Тело его замерло на мостовой, из-под головы медленно-медленно стала разливаться блестящая, темно-бордовая лужа.

Я вздохнула и почувствовала, как «рука», сжимавшая желудок, моментально убралась.

– Ладно, – сказал Сережка, щелкая пультом, – пора спать. Завтра рано вставать.

Видик начал перематывать кассету.

– Все-таки мне больше нравится, когда все хорошо заканчивается, – зевнула, потягиваясь, Катя.

– Мне тоже, – согласилась Юля.

– И мне, – пискнул из угла Кирюшка.

– Не понял! – моментально отреагировал Сережка. – А ты что здесь делал?

– Кино смотрел, – заявил мальчик, вылезая из укрытия.

– Совсем офонарел, – возмутился старший брат, – завтра в школу, в семь вставать!

– Ну и что, – ответил младшенький, – а тебе на работу, и тоже в это время из кровати вылезать!

– Что позволено Юпитеру, не позволено быку, – вскипел Сережка, – между прочим, мне двадцать пять, я женатый человек и имею право делать, что хочу, а тебе еще и двенадцати не исполнилось, и ты обязан соблюдать режим. Марш в кровать!

– Нет такого закона, – занудил Кирюшка, – чтобы женатому человеку разрешали смотреть телек, а холостому – нет. Скажи, мамуля!

Катя вздохнула, но, решив не вмешиваться в спор, миролюбиво заметила, выходя из комнаты:

– Давайте лучше чаю попьем.

– Вечно ты ему потакаешь, – не успокаивался Сережка, – меня так в одиннадцать лет от видика в девять вечера каленым железом прогоняли.

– Когда ты был в возрасте Кирюшки, – хихикнула Юля, тоже уходя из гостиной, – видаки стояли дома лишь у членов Политбюро, и тебе скорей всего злая мать не давала смотреть «Спокойной ночи, малыши».

Сережка, не найдя, что сказать, молча смотрел вслед жене. Кирилл хихикнул:

– Жуткое у тебя было детство, Серый!

Старший брат побагровел и уже хотел отвесить подзатыльник младшему, но тот ужом скользнул в приоткрытую дверь, и из кухни незамедлительно донесся его звонкий голос:

– Ух ты, какой тортище! А можно мне так отрезать, чтобы на куске и розочка и шоколадка оказались?

– Сейчас просто положу шоколадку вот сюда, – пообещала Катя.

Сережка вздохнул.

– Иди скорей чай пить, – подначила я его, – а то Кирюхе крем со всего торта достанется.

– Ну и пусть, – буркнул Сережка, поднимаясь, – сами потом плакать будете, когда парню четырнадцать стукнет. Уже сейчас никого не слушает, дальше будет только хуже...

Бубня себе под нос, он двинулся на кухню. Я с наслаждением вытянула ноги на диване и зевнула. Сережа трогательно любит Кириюшу и готов ради него, не задумываясь, босиком в огонь, но иногда у старшего брата случаются припадки занудства. Сегодня их жертвой пал Кирка, а неделю назад Сережка налетел на Катю, требуя, чтобы та немедленно отдала свою машину в ремонт. Бедная подруга отбивалась как могла, но старший сын почти изрыгал огонь, живописуя ужасное техническое состояние «Жигулей». Вообще говоря, он прав. Руль в Катиной тачке не только поворачивается по кругу, но еще и ходит вверх-вниз, как штурвал у истребителя. Может, для самолета это и хорошо, но гаишники отчего-то бледнеют, увидев такой трюк.

Добавьте к этому почти полностью отвалившийся глушитель, помятое левое крыло, «лысые» шины и постоянно вываливающуюся из гнезда зажигалку...

Впрочем, приступы Сережкиного занудства связаны всегда с одним фактором. Парень работает в рекламном агентстве и, когда получает заказ, расцветает, словно кактус. Если же клиенты не спешат в офис – начинаются проблемы у нас дома.

На диване было очень уютно, за окнами мел ледяной декабрь. На календаре пятое число, а на градуснике почти минус тридцать. Но дома тепло, уютно и даже бодряя перебранка, доносящаяся с кухни, совершенно не раздражает. В голове вяло толкались мысли – что приготовить завтра на обед? Макароны по-флотски или гуляш с картошкой?

– Эй, Лампа, – раздалось над головой, – иди в кровать, а то сейчас на диване задрыхнешь, в антисанитарных условиях.

Лампа – это я, меня зовут Евлампия, и домашние сделали от имени кучу производных: Лампочка, Лампадель, Лампидусель, Лампец, – как только меня не называют, просто мрак. Но я абсолютно, совершенно, невероятно счастлива. Впрочем, так было не всегда.

Еще этой осенью я влачила жалкую жизнь больной, никчемной и ничего не умеющей богатой дамы. И звали меня в той, другой жизни – Ефросинья. Имечко это мне дал отец, профессор математики. Так звали его мать, которую я, кстати сказать, никогда не видела. Да это и неудивительно, ведь появилась я у родителей поздно и была единственным ребенком. Мамочка – оперная певица – сделала все, чтобы любимая дочурка никогда не знала горя. Меня выучили играть на арфе, отдали в консерваторию, а после пристроили в филармонию, где чадо благополучно протосковало до замужества. Артистическая карьера не задалась, славы и денег я не имела. Впрочем, материальная сторона меня не слишком волновала. Мать ухитрилась решать все мои проблемы как по мановению волшебной палочки. А накануне своей смерти мамусенька благополучно выдала дочь замуж за Михаила Громова, племянника своей подруги. Правда, жених оказался моложе невесты, зато красив, умен, богат, ласков... Список его достоинств можно продолжить еще на километр...

Потекла незамутненная семейная жизнь. Я с детства отличалась слабым здоровьем, а после того, как в мою честь сыграли марш Мендельсона, расхворалась окончательно. Аллергия буквально на все, бесконечные простуды, плавно переходящие в бронхит, воспаление легких, ангины и грипп. Безостановочно болел желудок, и приходилось соблюдать строжайшую диету, отказавшись от сладкого, соленого, кислого, горького, жареного, копченого, жирного...

Прибавьте к этому жуткую скуку, которая прочно поселилась в нашей квартире. Михаил целыми днями торчал на работе, а приходя после полуночи домой, рушился в своей спальне на кровать, сжимая в руке сотовый телефон. Супруг в отличие от меня вел бурный образ жизни, что, в общем, понятно. Интересы бизнеса заставляли его бывать на всевозможных презентациях и фуршетах, торговля компьютерами – дело не простое. Мне же слабое здоровье не позволяло сопровождать его, и приходилось изнывать дома, возле телевизора. Домашнее хозяйство вела прислуга.

Единственной моей радостью стали детективные романы. Я скупала все новинки, как отечественные, так и зарубежные, пачками «проглатывала» тома и частенько мечтала: вот бы оказаться хоть разочек на месте одной из героинь, пережить увлекательное приключение, столкнуться с трудностями, размотать тугой клубок преступлений...

Да куда мне с таким здоровьем!

Но неожиданно моя жизнь переменилась. Однажды в дом доставили видеокассету, где была заснята страстная постельная сцена. Раскрыв рот, следила я за своим мужем и незнакомой черноволосой женщиной. Заканчивалась запись выступлением этой дамы. Назвавшись Таней, она сообщила, будто беременна от моего супруга, и категорично потребовала, чтобы я дала ему развод.

Несколько часов я металась по квартире, ища выход из создавшегося положения, и наконец, приколов мужу на подушку записку: «В моей смерти прошу никого не винить», – убежала на улицу, бросив в квартире все – документы, деньги, ключи...

Побродив бесцельно по улицам, я набралась смелости и бросилась под проходящую мимо машину.

Но, очевидно, провидение решило дать мне шанс, потому что за рулем этого автомобиля сидела Катя.

Так я оказалась в ее большой, бестолковой семье. Два сына, Сережка и Кирюшка, невестка Юля, мопсы Ада и Муля, стаффордширская терьерка Рейчел, кошки Клаус и Семирамида, три хомяка да жаба Гертруда. Питались в этой семье исключительно готовыми пельменями и супчиками «Кнорр», убрали раз в году, стирали на Пасху. И не потому, что были неряхами, нет, всем просто было некогда. Уходят в восемь и возвращаются в восемь, падая от усталости.

Катя – кандидат медицинских наук, отличный хирург. К ней на операцию больные записываются в очередь, Сережка работает в рекламном агентстве, Юлечка учится на факультете журналистики и подрабатывает в газете. Занят и Кирюшка – школа, секция спортивной гимнастики, английский...

Когда мать приволокла домой грязную тетку, никто из детей даже не изумился. Во-первых, у них постоянно жили гости, во-вторых, Катюшка жалостлива без меры и частенько притаскивает с собой сирых и убогих. То бабушку, которую милые родственнички не хотят забирать из больницы домой, то бомжиху, спящую в подъезде, то девчонку-провинциалку, не поступившую в вуз и решившую заняться древнейшей профессией...

Неизвестно, как бы сложилась моя дальнейшая судьба, но на следующее утро после того, как я попала в эту суматошную семью, началась невероятная, захватывающая дух детективная история.

Катю похитили, и я осталась один на один с домашними и материальными проблемами. Пришлось заботиться о Сереже, Кирюше, Юле, собаках, кошках, хомяках и жабе Гертруде. Не буду рассказывать, как училась готовить, стирать, убирать, опущу и повествование о походах в школу... Ситуация осложнялась еще и тем, что я просто обязана была отыскать похитителей и вызволить Катю.

После долгих и мучительных поисков подруга нашлась на... чердаке моей собственной дачи в Алябьева, а одним из главных преступников оказался не кто иной, как Михаил Громов.

Раскрыв рот, слушала я рассказ майора Костина, распутывавшего хитрое дело. Слушала и не верила своим ушам. Мой якобы ласковый, интеллигентный, заботливый, щедрый муж на самом деле оказался хладнокровным негодяем и убийцей. Он не торговал компьютерами, фирма, якобы производящая программные продукты, просто служила ширмой. Громов вместе с компаньоном наладили выпуск из пищевой соды «американских витаминов» и обманывали почем зря наивных людей.

Не лучше поступил супруг и со мной. Больше всего он боялся, что я случайно узнаю о том, какое наследство оставили мне родители: коллекцию картин лучших художников России. Мой отец, оказывается, собирал ее всю свою жизнь, а я в детстве ничего в этом не понимала. После смерти папы полотна были переданы на сохранение лучшему другу семьи, старику Юровскому. И наше с Михаилом благополучие строилось не на его заработках, а на тех деньгах, что супружник выручал, торгуя пейзажами и портретами из коллекции моего отца. А еще в мое приданое вошли дача в Алябьеве и квартира моих родителей, огромные пятикомнатные апартаменты в центре Москвы, тоже благополучно пущенные Громовым с торгов.

Мужу было выгодно, что жена апатично и бесцельно сидит дома, кутаясь зимой и летом в оренбургский платок. Он без конца «заботился» обо мне, постоянно внушая мысли о слабом здоровье. Ему страшно не хотелось, чтобы я очнулась от спячки и начала выяснять финансовые проблемы. Трогательно уложив меня в кровать в компании таблеток, капель и микстур, Михаил преспокойненько ехал с любовницей в ресторан. Правда, возвращаясь домой, он никогда не забывал прихватить для «несчастной больной» букет или коробочку пирожных.

– Купил с заварным кремом, – щебетал супружник, внося в спальню поднос с чаем, – подумал, что со сливочным слишком тяжело для твоей больной печени.

Я принимала «заботу» за чистую монету и чувствовала себя благодарной. Но этой осенью мои глаза неожиданно раскрылись, а судьба переменилась кардинально. Я даже придумала себе новое имя – Евлампия, похоронив Ефросинью вместе со старой жизнью.

Михаила с подельником посадили пока в Бутырскую тюрьму. Суд еще впереди, следствие в самом разгаре. Впрочем, жалостливая Катя, которую негодяи продержали на чердаке почти месяц, прикованной к крюку, велела мне отнести мужу передачу и даже купила нехитрый набор для зека – чай, сахар, колбасу и сушки. Но я наотрез отказалась тащить неподъемную сумку на Новослободскую улицу и подала на развод. Михаил и так получил за мой счет слишком много материальных благ, теперь пришла пора платить по счетам, к тому же мне не нравятся люди, решающие свои проблемы методом похищения беззащитных женщин.

Квартиру, где протекала моя унылая семейная жизнь, я заперла, а сама поселилась у Кати. Веду домашнее хозяйство, готовлю, убираю, стираю, бегаю в школу к Кирюшке и забочусь о животных. Денег, естественно, не зарабатываю, но парадоксальным образом не чувствую себя нахлебницей, наоборот, я хозяйка в этих огромных апартаментах, которые Катя сделала из двух квартир – своей трехкомнатной и Юлиной двухкомнатной.

Впрочем, если понадобятся деньги, можно продать какую-нибудь из картин, а на даче в Алябьеве мы намереваемся провести лето.

Многие женщины загрузили бы, окажись они у плиты и стиральной машины, но я счастлива и довольна до неприличия. Каждое утро я встаю в семь утра с великолепным настроением. И еще одна странность – мучившие меня бесконечные болячки исчезли просто без следа. Ни аллергии, ни головной боли, ни бронхита. Я здорова и, пробежав по ноябрьской слякоти в тонких, постоянно промокающих замшевых сапогах, ни разу даже не чихнула.

– Эй, Лампа, – вновь сказала Катя, – иди в кровать, так и будешь на диване ночевать?

– Здесь хорошо, – пробормотала я, медленно погружаясь в сновидения, – двигаться неохота...

– Ладно, – согласилась подруга.

Я почувствовала, как сверху заботливо опускается одеяло. Потом раздалось сосредоточенное сопение, и на грудь навалилась горячая тяжесть. Это мопсы Муля и Ада, не найдя меня в спальне, явились в поисках хозяйки в гостиную и моментально устроились на покой прямо поверх одеяла. Я осторожно повернулась на бок, мопсик свалились в уютное пространство между моими коленями и лицом. Повозившись немного и поспорив, кто уляжется мордой на подушку, они утихли и начали тихонечко посапывать. Нежное сопение перешло в храп. Рейчел уместилась на полу. Шестидесятикилограммовая стаффордшириха не полезла на диван,

прекрасно понимая, что ей там не хватит места. От мопсик исходило мирное приятное тепло, и я безмятежно задремала под убаюкивающий храп.

ГЛАВА 2

Резкий звонок влетел в ухо, будто пуля. Я моментально села, трясая головой и плохо сообщая, что случилось. На столике разрывался телефон. Рука машинально схватила трубку.

– Это ты? – раздался высокий нервный голос. – Ты?

– Я, – машинально ответил мой язык.

– Умоляю, – зачастила женщина, слегка задыхаясь, – умоляю, скорей приезжай, при тебе он побоится.

– Куда и зачем? – оторопела я.

– Послушай, – бормотала невидимая собеседница, глотая от возбуждения слова, – ты ведь не бросишь меня одну, скорей, умоляю. Во дворе машина паркуется, наверное, это он... Ну, Анечка, приди, дорогая, он же убьет меня...

– Вы не туда попали, – сказала я.

Трубка моментально противно запищала. Я положила ее на рычаг и взглянула на часы – половина шестого. Сон пропал, мопсихи сидели на диване, тараша круглые глаза. Я невольно поежилась, и тут телефон затрезвонил вновь.

– Анечка, дорогая, – забубнил тот же голос, – скорей...

– Вы опять попали ко мне...

Вновь раздался противный писк. Но едва я положила трубку, как раздалась трель.

– Господи, – воскликнул тот же голос, – ну что же происходит! Ну почему меня все время с вами соединяют! Боже, он сейчас войдет!

– Успокойтесь, пожалуйста, – попробовала я образумить припадочную тетку.

Ее слова о близкой смерти совершенно не испугали меня. Скорей всего дама – истеричка, обычная бытовая кликуша. Если бы кто-то на самом деле ломился к ней в квартиру с желанием убить, от тетки бы уже мокрого места не осталось. У Кати есть такая больная – Нина Кочеткова. Чуть заболит голова, как она принимается трезвонить с диким воплем: «Погибаю, спасите».

Ее не волнует, что на дворе ночь или праздничный вечер, Катя обязана ехать спасать припадочную, иначе телефон раскалится добела.

– Господи, – бормотала невидимая собеседница, – ну что мне делать?

– Давайте я позвоню этой вашей Ане, может, меня соединит, – предложила я.

– Да, да, да, – закричала женщина, – пишите телефон, да скажите, что он сейчас меня убьет.

– Как вас зовут?

– Да какая разница?

– Интересное дело, – возмутилась я, – я должна, по-вашему, сообщить этой Ане, что кто-то кого-то убьет? А как она догадается, что речь идет именно о вас?

– Лана, меня зовут Лана! – выкрикнула тетка и бросила трубку.

Я поглядела на бумажку. Номер почти такой же, как у нас, только заканчивается не на семь, а на шесть.

Незнакомая Аня, естественно, мирно спала в этот ранний час. Мерные гудки равнодушно неслись из трубки. На двадцатом я отсоединилась. Многие люди выключают на ночь телефон, не хотят, чтобы их будили звонками среди сна. Наверное, Аня из таких.

Может, и мне вытащить вилку из розетки да забыть о происшедшем? Но не успела я подняться, как аппарат вновь зазвенел. Проклиная собственное малодушие, я подняла трубку и безнадежно спросила:

– Лана? Аня не отвечает. Наверное, вам лучше позвонить ей попозже, где-нибудь около восьми...

В трубке кто-то прерывисто всхлипывал. То ли Лана плакала, то ли на линии были помехи. Наконец до моего уха долетел слабый голос:

– Все, он ушел, умоляю, прошу...

Я обозлилась вконец:

– Вот видите, он ушел, вы живы, ложитесь спокойно спать, да и мне не мешало бы доспать. Утром позвоните на телефонную станцию и скажите...

– Умираю, – прошелестел голос, – он убил, умоляю, придите сюда, не хочу лежать одна, Христа ради...

Слова долетали, словно сквозь вату, женщина говорила размеренно, будто робот. Потом из трубки послышались стоны и нечто, больше всего напоминающее поскуливание. Я опять глянула на часы – шесть. Нет, уснуть точно не удастся.

– Какой у вас телефон?

Но Лана, очевидно, не поняла, потому что забормотала:

– Селезневский проезд, 15, квартира 42.

Ба, да это соседний с нами дом!

– Сейчас приду, – пообещала я, сбрасывая одеяло. Ну если у этой тетки просто истерический припадок, мало ей не покажется. Виданное ли это дело, трезвонить посреди ночи и не давать людям спокойно спать!

Полная злобы, я влезла в джинсы, свитер, надела пуховик и, подобравшись на цыпочках к двери, стала осторожно поворачивать ключ. Домашним можно еще целый час поспать, я успею вернуться, вот только опрокину ведро ледяной воды на голову наглой истерички. Ключ, звякнув, упал на пол. Я вздрогнула. Только не хватает разбудить детей. Но в доме стояла сонная тишина. Даже собаки, моментально прибегающие на звук открывающейся двери в надежде на то, что их возьмут прогуляться, мирно дрыхли на диване в гостиной.

Я вышла из подъезда и поехала. Еще не рассвело, темное небо усыпали яркие, какие-то ненастоящие звезды. Стоял дикий холод, градусов тридцать, не меньше, и, пока я бежала к соседней блочной башне, под ногами громко хрустел снег. Ощущение было такое, словно идешь по крошащимся осколкам.

Дом с виду походил на наш, как близнец. Но внутри поджидал меня сюрприз – оказались отключенными лифты, оба сразу. Я чертыхнулась, у нас из экономии вырубает только один, причем пассажирский. Всем ведь понятно: если понадобится, не дай бог, тащить в «Скорую помощь» носилки с больным, то с 12-го этажа это не так просто сделать. Но здесь, очевидно, никто не боялся заболеть. Прикинув, что сорок вторая квартира скорей всего на седьмом этаже, я, отдуваясь, полезла вверх. Лестница выглядела чистой, но, может, такое впечатление складывалось потому, что ее освещали тусклые, едва ли не двадцатипятиваттные лампочки. Стояла гробовая тишина, ни малейшего звука не долетало до слуха. Где-то на третьем этаже мне стало страшно и, пожалев, что ввязалась в эту историю, я побежала по ступенькам. Но моя физическая подготовка оставляет желать лучшего, поэтому на пятом, задохнувшись, я притормозила и оставшийся путь проделала медленно, предвкушая, что скажу незнакомой Лане.

Дверь сорок второй квартиры выделялась на фоне других. Обитая красивой зеленой кожей, она выглядела дорого и щеголевато. А вместо обычного звонка красовалась выполненная из непонятного материала собачья морда. Жуткий китч! Кирюшка недавно увидел эту штуку на рынке и долго просил установить «собачку» у нас дома. Я еще тогда подумала – неужели есть человек, способный купить подобный мрак? Оказывается, есть!

Нажав на «нос», я послушала хриплую трель, призванную имитировать лай. Лана не спешила открывать дверь. «Лай» стих. Я повторила операцию. Но истеричка не торопилась. Обозлившись, я дернула за ручку. Видали нахалку! Не дала мне поспать, а сама преспокойненько задрыхла! Я хорошо знаю таких припадочных! Небось устала комедию ломать и рухнула в объятия Морфея, совершенно не ожидая, что такая дура, как я, примчится ее спасать!

Дверь неожиданно без скрипа приотворилась. Ну и прекрасно, сейчас ей мало не покажется! Нарочно громко топая сапожищами, я влетела в темную прихожую и заорала:

– Лана, вы где?

В ответ раздался едва различимый стон. Я ринулась на звук. В небольшой комнате на кровати лежала женщина. Спальня без слов рассказала о хозяйке – хорошо обеспечена и одинока. Постель застелена кокетливыми желтыми шелковыми простынями, повсюду рюшечки, бантики, кружавчики, искусственный мех и розовые оборочки. Сама Лана была облачена в невероятную красно-оранжево-черную пижаму из тех, что за бешеные деньги продаются в специализированных магазинах белья. Подходящий прикид для истерички, как правило, это «тонко чувствующие и художественные натуры». Я открыла было рот, чтобы выплеснуть благородное негодование, но тут же осеклась. Может, незнакомка и припадочная, но сейчас ей явно было плохо. Синеватая бледность заливала лицо, капли пота покрывали лоб. На одеяле валялась трубка радиотелефона. Я набрала «03».

На двадцатом гудке я вся искрилась злобой. Это только в кино все сломя голову кидаются к носилкам, где испускает последний вздох больной, в жизни же никто даже пошевелиться не желает. Наконец безликий голос сообщил:

– «Скорая» слушает.

– Пожалуйста, пришлите врача, женщине плохо.

– Возраст? – равнодушно поинтересовалась трубка.

Более дурацкого вопроса и придумать нельзя. Впрочем, понятно, почему его задают первым. Если, к примеру, узнают, что заболела восьмидесятилетняя старушка, спешить не станут. Бросив мимолетный взгляд на Лану, я ответила:

– Сорок пять.

– Что с ней?

– Не знаю, она без сознания.

– Боли есть?

– Не знаю, вроде нет.

– Адрес.

Я быстро продиктовала название улицы.

– Кто вызывает?

– Соседка.

– Ждите, – без всяких эмоций оповестила диспетчерша и отсоединилась.

Я с тревогой посмотрела на больную. Внезапно она открыла глаза и пробормотала:

– Анечка, ты пришла!

Я не стала ее разубеждать и подтвердила:

– Пришла, пришла, сейчас врач приедет.

Лана как-то странно всхрипнула и почти неразборчиво забормотала:

– Подделка, подделка, искал...

– Все, лежи тихо, – успокоила я ее, бросая взгляд на часы.

Ну где же «Скорая»? Так и умереть можно, не дождавшись помощи.

Лана беспокойно зашевелилась.

– Лежи смирно, – велела я.

Но женщина, словно заигранная пластинка, повторяла:

– Подделка, подделка...

– Хорошо, хорошо, подделка, – попробовала я ее утешить, – не бойся, сейчас медицина прикатит. Что у тебя болит?

Но Лана замолчала, потом вновь всхрипнула и неожиданно громко и сильно вскрикнула:

– Он мне не поверил, все искал, искал, но нету...

– Хорошо, хорошо, – решила я успокоить женщину.

– Ты веришь?

– Конечно.

– Тогда расскажи всем, что он меня убил! – страстно выкрикнула Лана и откинулась на подушку.

Лицо ее страшно задергалось, рот с усилием сделал вдох, но выдоха не последовало. Глаза уставились в одну точку, руки неожиданно вытянулись. Я перепугалась окончательно, но минуты текли и текли, миновало четверть часа, и тут прозвенел резкий звонок. Гроыхая железными ящиками, двое довольно молодых мужчин вошли в комнату и, глянув на Лану, разом вздохнули.

– Надо же, – вздохнул один, – под самый конец смены.

– Еще б полчаса и спокойненько домой ушли, – добавил второй.

Первый вытащил какие-то бланки. Второй нагнулся над Ланой и велел мне:

– Дайте полотенце, похуже, чтобы не жалко было выбросить.

Ничего не понимая, я пошла в ванную, сдернула с крючка розовую махру и отдала фельдшеру. Тот зачем-то засунул полотенце Лане между ног.

– Вы что, гинекологический осмотр производить собрались? – удивилась я.

Доктор вздохнул, накапал в стаканчик коричневую жидкость и, протягивая мне резко пахнущую емкость, спокойно пояснил:

– Белье испачкается, вам потом выбросить придется.

– Почему? – не поняла я, крайне удивленная, что они даже не пытаются оказать больной помощь.

– Потому, – ответил врач, накручивая телефон, – что после смерти сфинктеры расслабляются, и содержимое мочевого пузыря и прямой кишки...

Он не договорил и крикнул в трубку:

– Алло, «Скорая», экипаж пятнадцатый, высылайте своих, у нас труп. Нет, до приезда.

Я стояла, плохо соображая, что происходит.

– Фамилия? – спросил доктор.

– Моя?

– Нет, умершей.

– Не знаю.

Врач хмыкнул.

– Ладно, имя и возраст.

– Лана, а сколько лет, понятия не имею.

Терапевт окинул меня холодным взглядом и поинтересовался:

– А вы, собственно, кто такая?

Я замялась, ну как объяснить ему суть? Рассказать, как мне позвонила ночью незнакомая женщина, а я побежала на зов? Лучше поступлю проще:

– Соседка.

– Соседка-беседка, – присвистнул фельдшер, – давайте быстренько документики поищем. Небось паспорт лежит в письменном столе или в шкафу с бельем.

Он оказался прав. В соседней комнате, в баре, на стеклянной полке стояла небольшая коробочка. Сверху лежала бордовая книжечка. Я открыла ее – Светлана Родионовна Ломакина, 1952 года рождения.

– На сердце не жаловалась? – поинтересовался врач, бодро заполняя бумажки, – может, стенокардией страдала?

– Я плохо ее знала, – промямлила я.

– Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу, – пробубнил фельдшер, связывая бинтом запястья несчастной.

Потом он вытащил небольшой кусок оранжевой медицинской клеенки, быстро написал на ней печатными буквами «Ломакина» и начал, насвистывая, привязывать бирку к ноге усопшей. Мне стало дурно от его выверенно деловитых движений. Парень работал как автомат, никаких чувств не отразилось на его лице, словно перед ним была не умершая женщина, а сломанная табуретка. Впрочем, разлетевшаяся мебель скорей всего вызвала бы у него гнев или злость, во всяком случае, хоть какие-нибудь эмоции.

– Ладушки, – сообщил врач, – ждите, сейчас приедет милиция.

– Зачем?

– Так положено в случае смерти в отсутствие медицинского работника, – сообщил мужик, сгребая бумажки.

Они двинулись к двери.

– Эй, погодите, – крикнула я, – а тело?

– Мы не возим мертвяков, – пояснил фельдшер, – приедет патруль, вот с ним и разберите. То ли в судебный заберут, то ли на общих основаниях отправят. Ждите.

– Одна, с трупом? – обомлела я.

– Ну и что? – обозлился доктор. – Живых надо бояться, а от мертвых никакого вреда, тихие они и незлобивые.

Звякнув напоследок железными ящичками, они исчезли на лестнице. Опять воцарилась былая тишина, но уже не такая полная, как полчаса тому назад. Ожил лифт, я услышала, как он движется в шахте, а во дворе взвывла сигнализацией какая-то машина. Мне стало холодно и страшно, и я поспешила выйти в другую комнату. Она, очевидно, служила гостиной. Возле телевизора стояли два красивых, скорей всего, новых велюровых кресла. В одном, свернувшись уютным клубочком, как ни в чем не бывало мирно спал огромный кот тигровой окраски. Шею животного охватывал красивый широкий ярко-голубой ошейник с медальоном. Я машинально погладила котяру и еще раз заглянула в паспорт.

Светлана Родионовна была одинокой. Ни один штамп не украшал выданный в 1997 году документ, графа «Дети» тоже осталась пустой. Чтобы хоть как-то скоротать время, я пошла на кухню. Да, похоже, что она и впрямь жила одна. Две маленькие кастрюльки, крохотная сковородочка и небольшой холодильник. У семейных женщин совсем другой набор посуды и, как правило, огромные шкафы для хранения продуктов.

Кокетливая розовая ванная без слов рассказывала о титанических усилиях, которые предпринимала хозяйка, пытаясь вернуть стремительно уходящую молодость. Стекланные полочки с трудом вмещали батареи баночек и легионы тюбиков. Чего тут только не было – кремы от морщин, целлюлита и пигментных пятен, омолаживающие лосьоны, пилинг-маски, скрабы, лечебная глина, облепиховые примочки, огуречные тоники... С ума сойти, как она только во всем этом разбиралась. Но на полотенцесушителе висела одинокая банная простыня, на крючке – только женский, правда, очень дорогой халат, и нигде не было видно мужского одеколona, приспособлений для бритья, да и зубная щетка скучала в одиночестве. Все ясно. То ли она никогда не была замужем, то ли развелась.

Внезапно мой взгляд упал на часы – без пятнадцати семь. Если сейчас не вернусь домой, дети и Катя проспят. Они не заводят будильники в надежде на то, что ровно в семь я влечу в комнату, издавая боевой клич: «Подъем!»

Ноги сами собой понесли меня к двери. Ну зачем я нужна милиции? Все равно ничего не сообщу путного, покойную я не знала, еще не поверят в приключившуюся со мной историю и потащат в отделение, потом нахлебаешься. Лучше потихонечку испариться, бедной Ломакиной я уже ничем не помогу, да и была она скорей всего сумасшедшей, несла какую-то чушь, приняла меня за свою знакомую...

– Мяу, – раздалось внизу.

Я притормозила у самой входной двери. Об ноги терся кот. Он распушил хвост и ласково урчал, наверное, хотел есть. Секунду я смотрела на приветливое красивое животное, потом подхватила его и вышла на лестничную клетку. По всему выходило, что Светлана одинока, значит, бедная киска скорей всего останется в пустой квартире без еды и питья, обреченная на голодную смерть. Милиция не станет слишком волноваться из-за кота, и он погибнет. Ладно, возьму его пока к нам, а там пристроим красавца кому-нибудь в хорошие руки.

ГЛАВА 3

Домой я ворвалась ровно в семь и, посадив ошалевшего кота на полку у зеркала, заорала, быстро стягивая куртку и сапоги:

– Всем подъем!

– Ой, ой, – застонал Кирюшка, когда я зажгла свет у него в детской, – оюшки, как спать хочется! Можно, ко второму уроку пойду?

– Нельзя, – отрезала я, стаскивая с него одеяло, – никак нельзя.

– У нас первым ОБЖ, – ныл Кирка, – там такая дура преподает, даже не видит, кто в классе сидит, и никогда отсутствующих не отмечает! Ну, Лампидушечка, только разочек. Один-разъединственный разочек.

– Вылезай, – приказала я и выдернула подушку.

Кирка заохал:

– Горло болит и насморк, кажется, начинается.

– Дуй быстро в ванную, – велела я, – не задерживайся, сейчас Юля краситься пойдет и не даст тебе умыться.

– Какая ужасная, гадкая жестокость, – с чувством произнес мальчишка, нашаривая тапки, – отправлять на занятия бедного больного ребенка. Вот умру на математике, будешь плакать, да поздно, не вернуть Кироньку. Станешь всю оставшуюся жизнь себя укорять: эх, надо было ребенка оставить дома!

Я швырнула ему джинсы и сказала:

– Не волнуйся, я отличаюсь редкой бессердечностью и скорей всего быстро забуду про твою кончину.

– Ладно, – откликнулся Кирюшка, понимая, что номер со смертельно больным не прошел, – тогда дай мне в школу не десять рублей, а двадцать.

– Это еще почему? – поинтересовалась я, стоя на пороге.

– Ну в качестве компенсации!

– За что?

Кирюшка начал чесать в затылке. Я побежала в спальню к старшему братцу:

– Сережа, вставай!

– Уже встал, одеваюсь, – донесся из-за двери бодрый голос.

Но меня не так легко обмануть. Я тихонько приоткрыла дверь в спальню и увидела на большой кровати мирно лежащего Серегу. Юля уже ушла в ванную, поэтому муженек блаженствовал, завернувшись в пуховое двуспальное одеяло. Правая рука засунута под подушку, левая вытянута и отброшена на Юлину сторону. Сережка обладает редким качеством – отвечать абсолютно бодрым голосом, продолжая при этом мирно храпеть. Пару раз ему удавалось меня обмануть, но только не сейчас.

– Сережа, подымайся, – завела я, подходя к окну.

– Уже, уже, – как ни в чем не бывало отозвался парень, – брюки надеваю, рубашку застегиваю.

Голова его продолжала мирно покоиться на уютной подушке. Сквозь раздвинутые шторы в комнату вползло серое, пасмурное декабрьское утро. В такую погоду совершенно не хочется в семь утра собираться на работу, и вообще лучше бы остаться дома. Но, боюсь, у Сережиного начальника другое мнение по этому поводу. Я ткнула пальцем в кнопку, загремел музыкальный центр, и тут же затрещал огромный будильник, купленный Катей. Сделанный на совесть аккуратными мастерами завода «Слава», он трещал, словно оповещая о конце света, если бить поварешкой в медный таз – звук будет менее громкий. Но Сережа продолжал безмятежно дрыхнуть, на лице его играла детская улыбка.

Тут в комнату влетела Юля и, недолго думая, сунула мужу под нос открытый пузырек духов «Кензо».

– Убери эту гадость, – пробормотал муженек и сел, очумело трясая головой.

– Давай одевайся, – велела она и побежала на кухню.

Я потрусилась за ней.

– И как ты только догадалась, что запах «Кензо» разбудит Сережку?

Юля хихикнула и принялась намазывать тонюсенький тостик еле видимым слоем масла.

– Он говорит, что от «Кензо» его тошнит.

Утро понеслось по накатанной колее. Сначала из дома убежали дети. Предварительно они минут десять отчаянно переругивались в прихожей, разыскивая шапки, перчатки, ключи от машины, мешок со сменной обувью и Юлину сумку. После того как за ними наконец захлопнулась дверь, я прогуляла собак и решила вознаградить себя чашечкой крепкого кофе. На кухне весело пускал пар чайник. Катя налила сливки в кофе и со вздохом произнесла:

– Боже, до чего хорошо в выходной, жаль только, что он у меня по скользящему графику.

Но как приятно не думать о больных!

И тут зазвонил телефон. Катюша ухватила трубку и расцвела:

– Рада слышать вас, как дела?

Слушая, как она беспечно щебечет о дозе гормонов, о том, когда лучше принимать тироксин, о диете и витаминах, я вздохнула. Забыть о страждущих ей не удастся никогда. Даже в единственный выходной дома достанут. Но Катюша вдруг примолкла, внимательно слушая. Прошло несколько минут, потом подруга с жаром произнесла:

– Олег Яковлевич, не волнуйтесь, вам вредно. А нужный человек у меня есть, женщина – великолепный профессионал. Сколько, кстати, вы готовы заплатить?

Я услышала бормотание из трубки.

– Что ж, – удовлетворенно произнесла Катя, – предлагаю вам встретиться в двенадцать в «Макдоналдсе» возле метро «Тверская», там и побеседуете, если Евлампия Андреевна свободна и сочтет оплату подходящей. Кстати, мне она помогла в два счета.

– С кем надо беседовать? – удивилась я, когда Катюша положила трубку рядом с масленкой.

– Слушай внимательно, – оживилась подруга, – я нашла тебе работу.

– Мне? – изумилась я. – Ты что, забыла, с кем имеешь дело? Я ничего делать не умею.

– Ну, положим, ты отлично играешь на арфе, – хихикнула Катюша.

– Только не говори, что пристроила меня в ресторан веселить публику. Я не хочу сидеть у таблички: «Не стреляйте в арфистку, она играет, как умеет».

Катя расхохоталась.

– Ну, на подобную службу ты отправишься, только если мы начнем пухнуть с голоду. Слушай внимательно.

Три года тому назад Катя оперировала Олега Яковлевича Писемского. Мужик поступил к ней в ужасном физическом и моральном состоянии. Как все лица мужского пола, Олег панически боялся боли, и любой человек в белом халате вызывал у него ужас. Поэтому, когда терапевт, к которому Писемский обратился с жалобами на ухудшение здоровья, сказал, что скорей всего предстоит операция, бизнесмен запаниковал и кинулся в объятия «альтернативной медицины». Парочка экстрасенсов, колдун, бабка-травница, иглоукалыватель, специалист по «китайским точкам», гипнотизер и филиппинский хилер – все они обещали моментальное исцеление, без боли и скальпеля. Над Олегом Яковлевичем читали молитвы, размахивали веером, окуривали благовониями, погружали в транс и снимали порчу. Деньги на все ушли немалые, но потраченные финансы совершенно не волновали Писемского. Он торговал в Москве бензином и считал банкноты не рублями, а тысячами. Хуже оказалось другое – здоровье не стало лучше ни на йоту. Наоборот, Олег Яковлевич поправился, на шее у него возник какой-

то сильно мешающий глотать и разговаривать мешок, да еще относительно молодой мужчина ослаб настолько, что поднимался на второй этаж целых полчаса, отдуваясь на каждой ступеньке. В конце концов он вновь отправился к терапевту, тот, всплеснув руками, велел посетить онколога. В диспансере пожилая тетка в не слишком чистом халате выписала ему кучу направлений и крикнула медсестре:

– Лена, проводи этого, с опухолью гортани, на узи.

У Олега Яковлевича просто подкосились ноги. Ни на какое просвечивание он не пошел, колени дрожали, ступни стали каменно-неподъемными. Сидевшие в очереди тихие худые люди участливо смотрели на «короля бензоколонки». Все они когда-то испытали стресс, узнав о том, что больны раком, и теперь искренне жалели Писемского. Одна из женщин в аккуратном паричке предложила Олегу валидол, другая сочувственно сказала:

– Не пугайтесь, диагноз так сразу с бухты-барухты не ставят!

– Знаете, – вступил в разговор кудрявый мужик, – у меня тоже такая штука была на шее, зоб называется. Здесь, вот в этом кабинете, таких ужасов наговорили! Спасибо дружья помогли. Нашли чудного доктора, хирурга по щитовидной железе, Романову Екатерину Андреевну. Она сделала операцию, про все забыл, в диспансер хожу лишь для проформы. Нате вот, держите!

И он сунул Писемскому визитную карточку Катюши.

После того как подруга вылечила бензинщика, он стал ее преданным и крайне послушным пациентом. Каждый месяц приходил на осмотр, трепетно принимал прописанные лекарства и советовал всем занемогшим знакомым:

– Обязательно сходи проверить щитовидную железу, самый главный орган во всем теле, да и доктор есть потрясающий.

Олег Яковлевич верил Кате, как пророку. Да и что он должен был делать, если всего через десять дней лечения у него пропали одутловатость и одышка, вернулись здоровый сон, хорошее настроение и даже восстановилась потенция.

Писемский трогательно советовался с Катей по всем вопросам жизни, будь то употребление медикаментов, покупка новой мебели и даже чихающая кошка. Катюша только посмеивалась, но старательно давала советы. И вот сейчас Олег позвонил с нешуточной проблемой. Ему кажется, что его жена, молодая и красивая Ксения, ведет странный образ жизни, ничего криминального он сообщить не мог, одни смутные подозрения, легкие намеки. Обращаться в агентство, чтобы нанять частного детектива, он не хотел, вот и спросил у Кати:

– Нет ли у вас какой знакомой женщины, подрабатывающей сыском? Нанял бы ее проследить за Ксюхой.

И Катерина в порыве великодушия порекомендовала меня.

– Не пойду, – категорично заявила я, – немедленно звони этому дядьке и отказывайся.

– Неудобно, – твердо сказала Катя, – я уже пообещала.

Тоже мне, Мальчиш-Кибальчиш, слово нарушить боится.

– Ну скажи, занята твоя знакомая...

– Почему ты не хочешь попробовать? – поинтересовалась Катя, закуривая «Парламент».

– Господи, – всплеснула я руками, – да не умею я заниматься частным сыском!

– Подумаешь, – фыркнула Катя, – чай, это не операция на головном мозге, делов-то!

– Нет!!!

– Он платит за месяц работы десять тысяч, – тихо выложила подруга последний аргумент.

Я быстро произвела в уме необходимые расчеты и протянула:

– Да, почти четыреста долларов!.. Конечно, хочется получить, перед Новым годом не помешают, но все равно – нет!

– Долларов, – сказала Катя.

– Что?

– Он дает десять тысяч долларов!

Я так и села. Долларов!!!

– Он сумасшедший?

Катюха пожала плечами:

– Нет. Слышала анекдот? Встречаются двое «новых русских», один у другого спрашивает: «Вань, за сколько галстучек купил?» – «За триста баксов». – «Ну ты и лопухнулся, за углом такой же по пятьсот дают». Поняла? И потом он полагает, что тысяча баксов – это такие копейки, которые ни один настоящий специалист за деньги не посчитает. Вспомни, сколько он мне денег отвалил! Больные никогда больше трехсот долларов в конверт не кладут, а Писемский вручил бешеные тысячи, да еще потом спросил, не мало ли... Я чуть дуба не дала, когда в конвертик заглянула, думала, сон наяву. И еще Олег, оказывается, звонил в какое-то детективное агентство, и ему там насчитали именно данную сумму за месяц работы.

Я молча потрошила беленький фильтр от «Парламента».

– Прекрати, – велела Катерина и отняла у меня катышки бумаги.

Десять тысяч долларов! Можно купить новую тачку вместо вконец развалившихся «Жигулей», посудомоечную машину и суперплоскую «Канди»... Или махнуть рукой на обустройство быта и свозить Кирюшку за границу в Диснейленд, Юлечке обязательно купить новую шубку из канадского бобра, а на воротнике чтобы рысь была, Сережке – отличную дубленку... Хотя... Его «Форд» 1968 года выпуска ездит по улицам только потому, что парень все выходные проводит, лежа под ним. Нет, купим две машины, новые, качественные, отечественные... Их чинить дешевле, да и ГАИ не привязывается так, как к иномаркам...

От всех этих мыслей я вспотела.

– Эй, – сказала Катя, – очнись, мечтательница. Небось уже в Париж слетала.

– Ну почти, – усмехнулась я, – во всяком случае, успела купить две машины, шубу, дубленку и скатать в Диснейленд, только, к сожалению, деньги мне не достанутся.

– Почему?

– Не сумею заработать.

– Послушай, – серьезно сказала Катерина, – знаешь, как люди учатся? По книгам. Берут учебник и изучают, другого пока не придумали.

– Ты это к чему?

– К тому, что ты прочитала километры детективов, считай, обучалась мастерству и потом меня же выручила!

– Ну тогда возникла экстремальная ситуация, пришлось мобилизовать все силы.

– И сейчас экстремальная, – хохотнула Катя, – десять тысяч баксов ручкой машут. Ладно, хватит сомневаться, одевайся и дуй в «Макдоналдс». Самое страшное, что может произойти, так это то, что ты ничего не узнаешь, ну тогда и деньги не возьмем, но попробовать надо, только, по-моему, из тебя выйдет чудесный агент, умный, ловкий и безжалостный...

Выпалив последнюю фразу, подруга захихикала. Я пошла в спальню и распахнула шкаф. И как, интересно, должен одеваться детектив? Наверное, так, чтобы не выделяться в толпе. Натянув джинсы и пуловер, я призадумалась о макияже, но тут раздался Катин голос:

– Лампа, поди сюда!

На кухне у холодильника сидел кот в голубом ошейнике. Наши собаки, привычные к кошкам, не обратили на него никакого внимания, зато Клаус и Семирамида подняли на спине шерсть, распушили хвосты и шипели, словно скороварки.

– Откуда он? – изумилась Катя. – Дверь закрыта, окна тоже. Неужели Кирюшка вчера притащил и никому не сказал?

– Это я принесла.

– Где взяла?

После секундного колебания язык сам собой соврал:

– Пошла гулять с собаками, а он на помойке сидит. Явно домашний, чистый, в ошейнике...

– Небось в форточку за птичкой сиганул, – вздохнула Катюша и порылась в густой шерсти гостя, – блох, похоже, нет. Надо все равно обработать спреем для надежности и расклеить объявление, наверное, хозяева обрыдались, а пока пусть живет. Пошли, дружок, на санобработку.

Она подхватила кота под живот и потащила в ванную. Я налила себе еще кофе. Наверное, надо было сказать правду, но представляю, какие вопли поднимет Катерина, заставит идти в милицию, давать показания... Лучше промолчу.

– Лампуша, гляди! – заорала Катя.

В ванной, в тазике с теплой мыльной водой, преспокойненько сидел кот. В отличие от других кошачьих, этот просто нежился в пене и урчал от удовольствия, пока Катюша терла ему спинку, животик и грудку. Даже голову котяра преспокойно подставил под струю, лишь пофыркивал, когда вода попадала в нос.

– Первый раз встречаю такое! – искренне изумилась Катя. – Ну, давай лапку.

Кот моментально протянул переднюю лапу.

– Слушай, – взвизгнула Катерина, – он понимает! Ну-ка, дай лапу.

Гость покорно протянул другую, левую.

– Ох, и не фига себе, – пришла в полный восторг Катюша, – артист, да и только.

Несколько минут мы заставляли животное выполнять команды. Выяснилось, что он понимает почти все: лежать, сидеть, стоять. Но самое смешное произошло, когда я велела:

– Голос!

Котяра разинул клыкастую пасть и разразился душераздирающим мяуканьем. На вопль явились все животные и уставились на «циркача».

– Молодец, – похвалила Катя, – а теперь замолчи.

Кот разом заткнулся.

– Слушай, – пробормотала подруга, вытирая новое приобретение полотенцем, – может, он из цирка сбежал? Такая животина дорогого стоит. Давай позвоним в театр к Куклачеву, вдруг это их «прима»?

Оставив ее забавляться с котом, я пошла в прихожую и, уже натянув сапоги и куртку, заинтересовалась:

– Как я узнаю этого Писемского? Опиши внешность.

– Моментально вычислишь, – усмехнулась Катя, – толще его человека просто не будет. Огромная гора, а сверху огненно-рыжая голова, ни за что не перепутаешь.

ГЛАВА 4

Катерина оказалась права. Олега Яковлевича было видно издали – невероятной толщины мужик, а кудрявые волосы – цвета взбесившейся лисы. Перед ним на подносе лежали остатки «скромного» обеда – несколько оберток от биг-маков, коробочка макнагетсов, два пустых поллитровых стакана из-под колы, остатки жареной картошки и недоеденный пирожок. Наверное, он не слишком любит сладкое.

– Здравствуйте, – произнесла я, – меня прислала Екатерина Андреевна Романова.

«Гора» окинула взглядом мои сорок пять килограммов и сказала густым басом:

– Это вы? Вы Евлампия Андреевна?

– Что тут странного?

– Да нет, – замялся наниматель, – ничего.

Тяжелый вздох вырвался из моей груди. Я очень хорошо понимаю его сомнения. Выгляжу хрупкой, даже болезненной женщиной. Росточком чуть-чуть не дотянула до метра шестидесяти, вешу как средний баран. Впрочем, особой красотой господь тоже не наградил. Лицо маленькое, нос острый, глаза серо-голубого оттенка, посажены глубоко, из-за чего кажется, что они карие. Волосы не слушаются ни расчески, ни щетки, ни фена, поэтому стригу их коротко, но пряди все равно стоят дыбом. Кирюшка говорит, что я смахиваю на весеннего ежика, такая же тощая и взъерошенная. Большое в моем организме только одно – ноги. Всякий раз, когда я покупаю обувь, продавцы не хотят верить, что такая мозглявка носит полный тридцать девятый и сначала приносят тридцать пятый, думая, что клиентка ошиблась. Со спины меня можно принять за двенадцатилетнюю девочку, но физиономия сразу выдает возраст.

Я села на стул и велела командным голосом:

– Принесите стакан воды, минеральной, пожалуйста!

Олег Яковлевич послушно пошел к кассе.

– Ну, – приказала я, когда он вернулся, – излагайте суть дела.

– Здесь? – изумился Писемский.

– А где?

– Может, лучше у меня в машине, там тише...

Мы завернули за угол, и Олег Яковлевич открыл роскошный «глазастый» «Мерседес». Я плюхнулась на кожаные подушки и вдохнула знакомый запах дорогого одеколона, хороших сигарет и качественного коньяка. Когда-то, в прошлой жизни, я ездила на таком же «Мерседесе», даже пахло там так же... Отогнав неприятные воспоминания, я слишком резко спросила:

– Ну, повествуйте!

– О чем? – спросил Олег Яковлевич и окинул меня оценивающим взглядом.

Мне не понравились ни его поведение, ни тон, которым он разговаривал, поэтому я решила расставить точки над ё!

В давнюю давность, когда я училась в консерватории, среди десятка предметов был один, казавшийся совершенно ненужным, – актерское мастерство. Ну к чему оно пианисту, скрипачу или арфистке... Но преподаватель, худой, носатый и невероятно экспансивный Федор Евгеньевич, был иного мнения.

– Дети, – внушал он нам в аудитории, – дети!

Студенты тихо пересмеивались, слышав такое обращение, но Федор Евгеньевич не смущался и вещал дальше:

– Вот подумайте сами, отчего один и тот же исполнитель играет концерты по-разному?

В понедельник – гениально, а во вторник – провально?

– Вдохновения нет! – крикнул кто-то.

– О, – поднял палец преподаватель, – в самую точку. Вдохновение, или, как говорят цирковые, – кураж! Пришел кураж – отлично, нет его – полный обвал. Но поджидать вдохновение дело долгое, а работать следует каждый день, как поступить?

Мы молчали.

– Вот тут на помощь и приходит актерское мастерство, – подпрыгивал от возбуждения Федор Евгеньевич, – стоя за кулисами, начинаете настраиваться, перевоплощаться, ну, допустим, в Рихтера, потом выходите к роялю, и гарантировано – сыграете, как он!

Аудитория загудела. Потом Леня Котов, самый талантливый на курсе, подающий невероятные надежды пианист, выкрикнул:

– Я совершенно не желаю копировать Рихтера, хочу играть, как Котов!

– Сначала научись как Рихтер, – обозлился преподаватель, – а потом уж выпендривайся.

Спорить с Федором было невозможно. Мы подходили к роялю, как Михаил Плетнев, брали в руки скрипку, подражая Владимиру Спивакову, и выпархивали на сцену, словно Майя Плисецкая.

– Не верю, – кричал мне сумасшедший режиссер, – не верю, тяни шею!

Я старательно задирала вверх подбородок, совершенно не понимая, как можно тянуть то, чего нет. Но сейчас уроки безумного Федора могли мне пригодиться.

Сделав «каменное» лицо, я положила свою маленькую ладошку на лопатообразную руку нанимателя и спокойно сказала:

– Уважаемый Олег Яковлевич, мое время очень дорого, клиентов много, для того чтобы взяться за ваше дело, пришлось отказать кое-кому. Не скрою, я не слишком люблю заниматься неверными женами, предпочитаю убийства и похищения, но за вас очень просила Екатерина Андреевна Романова, а для нее я готова на все. Поэтому излагайте вашу проблему, желательно детально, стесняться не надо, сейчас я исполняю для вас роль врача или исповедника.

Но Писемский все еще колебался.

– Я не сумею помочь, если не узнаю правду...

Олег Яковлевич вздохнул:

– Знаете, ничего конкретного сообщить не могу, только весьма смутные подозрения, кое-какие странности... Может, лучше станете спрашивать сами?

– Сколько лет вы в браке?

Писемский вздохнул:

– Год.

– До этого были женаты?

– Да.

– Что с прежней супругой?

– Уехала с новым мужем в Америку.

Интересное дело, мне что, из него каждое слово клещами вытягивать? Зачем тогда нанимает детектива, если не хочет ничего рассказывать!

– Где вы познакомились с нынешней женой?

Олег Яковлевич тяжело вздохнул и положил руки на руль. Очевидно, он принял решение, потому что неожиданно заявил:

– Ладно, слушайте.

Писемский до 1988 года спокойно работал преподавателем английского языка в третьесортном институте. Зарплата была маленькая, педагогическая нагрузка огромная. Кандидатскую он так и не написал, за что его нещадно грызла жена – Нина Михайловна. Она полностью преуспела в жизни, стала доктором наук, профессором, изучала грибы и добилась каких-то невероятных результатов. Характер дама имела просто железный, каждый день писала по десять страниц и выпускала одну за другой книги: учебники, пособия, монографии. На фоне преуспевающей, крайне активной супруги тихий, даже вялый Олег Яковлевич, предпочитаю-

щий после тяжелого лекционного дня повалиться с газеткой на диване, выглядел очень бледно. Правда, жена одно время пыталась заставить его писать. Торжественно усаживала к столу, закрывала дверь в кабинет и шипела на дочь:

– Тише, тише, папа работает над диссертацией.

Олег Яковлевич с тоской поглядывал на кипу девственно-чистых листочков, вытаскивал припасенный детективчик и спокойно погружался в чтение.

Процесс вождения ручкой по бумаге его злил, а больше всего бесила жена, ухитрявшаяся ваять свои опусы на углу кухонного стола как бы между делом, правой рукой помешивая суп и заглядывая одним глазом в тетради с детскими уроками.

Естественно, Нина Михайловна зарабатывала на порядок больше супруга. Правда, она не делила деньги на «твой» и «мой», а просто складывала бумажки в коробочку из-под печенья, служившую в доме кассой. Но у Олега Яковлевича каждый раз, когда он брал из «сейфа» рублишки, возникало жутко некомфортное ощущение – он казался себе альфонсом, жиголом, живущим за счет супруги. Да к тому же Нина Михайловна махнула рукой на творческую карьеру мужа и перестала изображать «написание диссертации». Перестройка демократизировала научный мир России, упростила выезд за рубеж, и женщина без конца моталась по границам, ее, как видного миколога, постоянно приглашали на симпозиумы, конференции и семинары.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая жизнь Олега Яковлевича, но тут один его довольно близкий приятель предложил заняться торговлей машинами. Друг взялся обустроить все сам – наладить связи с заводом, транспортировку «Жигулей» в Москву, предпродажную подготовку автомобилей...

От Олега Яковлевича требовалось только одно – оформить фирму на свое имя и получать в месяц пять тысяч. Огромные, невероятные по тем временам деньги.

– Почему ты не хочешь выписывать документы на себя? – поинтересовался Писемский.

Приятель захихикал:

– Уже одна фирма, на меня зарегистрированная, работает, две нельзя.

Наивный Писемский, желавший, как все лентяи, совершенно не работая, огрести куш, согласился. Три месяца он и впрямь получал отличную «заработную» плату, но потом за ним пришли с понятиями.

Приятель оказался негодяем, набрал невероятную сумму от доверчивых людей в качестве предоплаты за автомобили и скрылся. Отдуваться пришлось Писемскому.

Мужика сволокли в Бутырку и сунули в камеру на 120 человек. Ему грозил нешуточный срок за мошенничество, к тому же кое-кто из сокамерников просто покотился с хохоту, когда услышал о «преступлении».

– Ну, мужик, ты и попал, – ухмылялся местный смотрящий, угощая Олега Яковлевича «Примой», – книжек, что ль, не читал? Возьми в библиотеке Ильфа и Петрова, они как раз про такого зиц-председателя писали.

Вызванная следователем из очередной поездки, Нина Михайловна не растерялась и моментально оформила развод. Любимая дочурка тоже не захотела иметь с папой-уголовником ничего общего. Никто из родственников ни разу не пришел на свидание и не передал Писемскому даже дешевенькой пачки печенья.

Но вялый, апатичный мужик неожиданно выжил. Господь наградил его недюжинной силой, и пары сломанных рук хватило уголовникам, чтобы понять – с этим лучше не связываться. Олег Яковлевич получил шконку поближе к окошку, занавесил ее тряпкой и поднял тем самым свой статус.

Однажды ночью он проснулся от шума. Одного взгляда на соседние нары хватило, чтобы понять – парочка сокамерников собралась «опустить» молоденького парнишку, только сегодня определенного на постой. Писемский пожалел парня, наkostenял браткам по шее и положил

мальчишку на свою шконку. Поступок героический по тюремным нравам. Целый месяц Олег охранял парнишку, впрочем, через тридцать суток того освободили, а на следующий день Писемский получил роскошную передачу с американскими сигаретами, осетриной горячего копчения и икрой. В сумке лежали новехонький фирменный костюм «Adidas», нижнее белье и мыло. Через час принесли телевизор, таз, ведро... А ночью надзиратель открыл кормушку и тихо оповестил:

– Писемский, на выход!

Ничего не понимающий Олег Яковлевич пошел за ним в следственную часть. Там, в маленьком кабинетике, сидел пожилой мужик в роскошном костюме от Хуго Босс. Выяснилась невероятная правда. Спасенный парнишечка – сын одного из влиятельнейших авторитетов. И теперь благодарный папа приехал в тюрьму и, называя Олега Яковлевича братом, обещал помощь и поддержку.

Дальнейшее сильно напоминало сказку. Назад его привели в другую камеру, всего на пять человек. Наутро появился пронырливый адвокат, суд, назначенный на декабрь, состоялся в августе. Олегу дали два года и тут же амнистировали. На свободе его поджидали уютная однокомнатная квартирка и официально оформленные бумаги на владение бензоколонкой.

Неожиданно в Писемском проснулся бизнесмен. Тюрьма явно пошла мужику на пользу. Он словно вынырнул из омула лени и развил бешеную активность. Словом, через два года в его руках была уже не одна бензоколонка. Вот тут-то любимая доченька и вспомнила про папочку, принялась звать к себе в гости. Но Олег Яковлевич сказал, как отрезал:

– Детей у меня нет.

Ему очень хотелось встретиться с Ниной Михайловной. Приехать в роскошном «Мерседесе», сверкнуть золотыми часами, небрежно снять пиджак от Лагерфельда... Но бывшая супруга успела удачно выскочить замуж за американского коллегу и укатить в Нью-Йорк.

Несколько лет Писемский жил холостяком. Но потом женился на Ксении Фединой, студентке Экономической академии имени Резникова. Познакомились они случайно. Олег Яковлевич регулярно стригся в одной парикмахерской у смешливого и болтливового Максима. После очередной укладки Писемский вышел на улицу, сел в автомобиль, тронулся с места, и тут из-за угла дома выскочила тонюсенькая девушка на огромных каблуках. Не глядя по сторонам, она понеслась через дорогу, Олег Яковлевич в ужасе затормозил... Девчонка взмахнула руками и рухнула под колеса, прямо в весеннюю грязь.

Перепуганный Олег бросился к ней. Девушка отделалась легким испугом, сломанным каблуком и вконец испорченным пальто. Безмерно счастливый оттого, что не задавил бедолагу насмерть, Писемский посадил ее в «Мерседес» и повез сначала в магазин за новой обувью и пальто, а потом в ресторан, чтобы отпраздновать «второе рождение». Они стали встречаться и через два месяца поженились.

Сначала все шло хорошо, Ксения училась, пропадала целыми днями в библиотеке. Впрочем, Олег Яковлевич не хотел, чтобы жена сидела взаперти дома, занимаясь домашним хозяйством. Для готовки, уборки и стирки есть прислуга. Если девочка хочет получить профессию – пожалуйста. Тем более что днем он и сам тотально занят, а вечера они всегда проводили вместе – ходили в рестораны, театры или клубы. Ксюша была неизбалованна и искренне радовалась любым знакам внимания – цветам, конфетам, хорошим духам. В полный восторг приходила она от возможности сорить деньгами, и квартира скоро стала похожа на лавку – кругом статуэточки, шкатулочки, подсвечники и курильницы с ароматизированными свечами. Но Олега Яковлевича это не раздражало, скорей умиляло. Впервые в жизни он оказался в роли дающего и испытывал сладкие ощущения, представляя перед женой таким джинном, выполняющим любые желания.

Неприятные сомнения в честности Ксюты стали закрадываться в его душу месяц тому назад. Сначала начались загадочные звонки по телефону. Если трубку брал Писемский, из

нее доносилось сосредоточенное дыхание не желавшего отзываться человека, а на определителе номера высвечивались палочки и нули. Таинственный абонент явно пользовался телефоном-автоматом. Потом Ксения стала нервничать, пару раз Олег Яковлевич заставлял ее с заплаканными глазами. Жена изворачивалась, врала, будто сменила краску для ресниц и заработала аллергию.

Бензинщик не поверил и пару раз внезапно приехал домой днем. Ничего особенного он не узнал, кроме одного – жена, бывшая до этого старательной студенткой и никогда не пропускавшая занятий, теперь сидит дома. Дальше – больше. Ксюта рассчитала прислугу и принялась сама за ведение хозяйства – готовила супы, пыталась печь пироги и даже накупила кучу книг по домоводству и кулинарии. Писемский, в общем, был не против такого поворота событий, только ему стало казаться, что жена просто боится посторонних, вот и избавилась от горничной и кухарки. Но окончательно потерял он покой неделю тому назад.

Вечером, как раз накануне программы «Время», Олег сказал:

– Пойду кефирчику выпью.

– Сиди милый, – подскочила жена, – сейчас принесу.

Она с готовностью понеслась на кухню. Непонятно почему, Олег пошел за ней и начал подсматривать в щелочку. Супруга вынула из холодильника пакет Bio-Max, потом вытащила из кармана брючек пузырек и принялась сосредоточенно капать в чашку какую-то жидкость.

Писемский метнулся в гостиную. Получив из рук улыбающейся жены «угощенье», он поблагодарил ее и попросил:

– Милая, уж извини, так устал, сил нет шевелиться, сходи в гараж, принеси из машины газету.

Ксюша с готовностью схватила ключи. Писемский свистнул ротвейлера Карла и сунул тому под нос кружку. Всеядный пес в мгновение выхлебал кефирчик и через пять минут свалился на правый бок, издавая жуткий храп. Очевидно, в Bio-Max влили необычайно сильное снотворное.

Решив не путать планы жены, Олег лег на диван и притворился спящим. Ксюша сначала унесла и вымыла чашку, потом позвонила куда-то по телефону, но бормотала так тихо, что супруг ничего не разобрал. Потом она оделась и унеслась. Вернулась под утро, бледная, с синяками под глазами...

Сложив вместе всю информацию, Писемский пришел к неутешительному выводу – супруга ему изменяет. И вот теперь он хочет иметь полный отчет, желательно с фотографиями – где, когда, с кем, сколько раз и как. По-моему, абсолютно дурацкое желание. Ну не все ли ему равно, как зовут счастливого любовника, не в имени, в конце концов, дело!

Потом мы перешли к обсуждению финансовой стороны вопроса. Я постаралась не измениться в лице, услышав подтверждение о получении десяти тысяч долларов, и потребовала две тысячи в качестве задатка и еще одну на расходы.

– Естественно, я представлю вам счет и квитанции, впрочем, наверняка придется пользоваться такси, а это усложняет отчетность.

– Умоляю вас, – махнул плечообразной рукой работодатель, – забудьте об этой ерунде!

Он вытащил роскошное портмоне из змеиной кожи и принялся сосредоточенно отсчитывать зеленые бумажки. Когда приятно шуршащая пачка оказалась у меня в руках, я мысленно перекрестилась. Все, обратной дороги нет, придется приниматься за работу.

ГЛАВА 5

Следующую неделю я провела в бестолковой суете. Сначала договорилась с тихой бабушкой, окна квартиры которой выходили как раз на подъезд дома, где жили Олег Яковлевич и Ксюша. За пятьдесят долларов пенсионерка разрешила мне целый день проводить у подоконника и даже угощала чаем.

К вечеру у меня заболела голова. Олег Яковлевич снабдил фотографией жены, но никто даже отдаленно напоминающий худошавую, коротко стриженную брюнетку из подъезда не выходил. В старинном доме, стоящем в тихой улочке, было только три этажа и шесть квартир. К концу недели я знала всех. Девочку-школьницу, уходившую из дома с завидной аккуратностью ровно в восемь и возвращавшуюся в три, няню, прогуливающую младенца, пока мать уезжала в шикарном «Вольво», элегантную пару, ведущую «артистический» образ жизни, и, конечно, Олега, работавшего день-деньской. Узнала всех, кроме Ксении. Она не показывалась, высунулась только один раз в ближайший супермаркет. Если у дамы и был любовник, то она, очевидно, перестала с ним встречаться.

По ночам тоже не происходило ничего интересного. Тринадцатилетний внук приветливой бабки пришел в полный восторг, когда я предложила ему пятьдесят долларов за страшно интересное дело. Не спать несколько ночей, а сидеть у окошка и методично записывать всех, кто входит и выходит из подъезда. В случае появления Ксюши следовало моментально звонить мне.

Но по ночам дом спал. Только пара молодых супругов веселилась, раскатывая на шикарном автомобиле. Я загрустила. Простая на первый взгляд задача начинала принимать характер неразрешимой. На всякий случай я завела дневник и скрупулезно отмечала все перемещения жильцов дома. Если Олег Яковлевич потребует отчета, хоть будет что показать.

В четверг вечером бензинщик позвонил и сообщил, что они с женой идут в театр, а потом в ресторан, домой предполагают вернуться около двух часов. Я посчитала себя свободной от наружного наблюдения и, велев помощнику-подростку глядеть в оба, преспокойненько осталась дома.

В квартире стояла тишина. Катя дежурила в больнице, Сережка задерживался, а Юлечка поехала к сокурснице готовиться к экзамену. Лишь несчастный Кирюшка маялся над уроками. Изредка он выбегал на кухню, делал бутерброд и ныл:

– Повезло же Маше Галкиной, у нее мама учительница математики, а тетя преподает русский, никаких проблем. А у нас в семье кругом бесполезные люди, врачи да журналисты! Вот и мучайся теперь с уравнениями...

Около десяти вечера он, устав, засобиравшись спать. Влез под одеяло, схватил книгу «Смерть на чердаке» и вдруг заорал:

– Лампуша! Катастрофа!

Испугавшись, что мальчишка поранился, я влетела в детскую. Кирюшка судорожно рылся на полках.

– Что случилось?

– Катастрофа, – убивался Кирка, – совсем забыл, русичка велела завтра принести на урок литературы «На дне» Горького...

– Ну и что?

– А я забыл сходить в библиотеку...

– Подумаешь, завтра возьмешь!

Кирюшка уставился на меня круглыми глазами.

– Лампудель, ты не поняла, завтра на первом уроке книга должна лежать на парте. Иначе вломит два балла.

– Да уж, – вздохнула я, – не повезло. Впрочем, тебе наука.
– Ну забыл, забыл, – стонал Кирюшка, – скоро четверть заканчивается, а у меня по литре и так драма.

– Какая?

– Четыре тройки и две двойки.

– Да, в такой ситуации не рекомендуется игнорировать требования учителя.

– Ну придумай что-нибудь, Лампушечка! – взмолился Кирюша. – Ты у нас умная, сообразительная, талантливая...

Я усмехнулась: ну, хитрец.

– Ладно, так и быть, загляну к соседям, может, у них есть.

На нашей лестничной клетке пять квартир. В двух живут молодые бездетные пары, зато в 47-й квартире есть школьники, и я позвонила в дверь. Высунулась растрепанная голова. Соседка Анна Сергеевна, довольно милая дама, всегда вежливо здоровается, гладит наших собак и никогда не торопится уехать в лифте, а ждет, пока вы подойдете к кабине. Впрочем, она иногда заглядывает вечером к нам померить давление, а когда ее сын, тринадцатилетний Антон, сломал руку, Катя поехала с парнишкой в травматологию. Словом, совесть меня не мучила, когда палец жал на звонок.

– Добрый вечер, Анна Сергеевна.

– Здравствуйте, Евлампия Андреевна, – пропела дама и уставилась на меня.

– Понимаете, тут у нас такое дело вышло, – забормотала я, – нет ли у вас случайно «На дне», просто позарез нужно!

Анна Сергеевна секунду помолчала, потом улыбнулась:

– Конечно, есть, заходите, сейчас дам, идите, идите прямо на кухню, холодильник там.

Не понимая, при чем тут холодильник, я вошла в небольшую кухоньку и села на табуретку. Анна Сергеевна открыла новехонький «Аристон», достала бутылку «Гжелки» и протянула мне:

– Вот.

Окончательно растерявшись, я проблеяла:

– Мне «На дне».

– А здесь как раз на дне и осталось, граммов пятьдесят, не больше, – мило улыбнулась соседка, – впрочем, если не хватит, могу дать непечатую, но вы вроде на дне просили...

С трудом сдерживая смех, я пояснила:

– Пьеса М. Горького «На дне», Кирюшке завтра в школу надо!

Анна Сергеевна всплеснула руками и захохотала, я следом за ней. Но, к счастью, у соседки дома была не только бутылка, но и хорошая библиотека. Получив вождеденный томик, я отнесла его Кирюшке и улеглась на диван перед телевизором, намереваясь приятно провести время. И тут затрезвонил телефон.

– Немедленно приезжайте, – велел Олег Яковлевич.

– Куда?

– Ко мне домой, – отрывисто сообщил мужик и бросил трубку.

Недоумеая, я взглянула на часы – без пятнадцати одиннадцать. Интересно, что у него случилось? И потом – зовет в квартиру, ведь договаривались, что я с его женой пока знакомиться не буду!

Писемский распахнул дверь сразу. Я шагнула в просторный холл. Сразу было видно, что человек не так давно получил богатство и теперь хочет его продемонстрировать. Или это убранство на Ксюшин вкус?

С потолка свисала чудовищная люстра – бронза с хрусталем. Нечто подобное находится в Колонном зале и вполне уместно там, в квартире же подобный светильник просто подав-

ляет. На полу, прямо от дверей шел белый мохнатый ковер. Я с сомнением покосилась на свои сапоги.

– Где у вас тапочки?

Но хозяину, очевидно, было плевать на полы, потому что он буквально вытряхнул меня из куртки и велел:

– Идите в кабинет.

Уж не знаю, как он ухитрился работать в подобной комнате! Все стены сплошь завешаны картинами, причем не было ни одного по-настоящему ценного полотна. Скорей всего их покупали для души, по принципу «мне это нравится». Штук пять отвратительных пейзажей, сильно смахивающих на увеличенные почтовые открытки, два натюрморта и тройка полотен с изображением щенков и котят. Здесь опять на полу лежал белый ковер, по стенам выстроились книжные шкафы с собраниями сочинений А. Дюма, В. Пикуля, Л. Толстого и Майн Рида. Очевидно, художественные вкусы Писемского оформились в коммунистические времена. На письменном столе, чудовищно огромном и вульгарно-дорогом, высился новехонький компьютер, и везде, куда ни взгляни, стояли безделушки – бронзовые зажигалки, всевозможные пепельницы, глобусы, писающие мальчики, фарфоровые балерины и позолоченные фигурки собак...

– Вот, – сунул мне Олег в руки листки.

Я развернула первый.

«Дорогой, верь, я полюбила тебя всей душой и не смогла сделать подлость. Не ищи меня, это бесполезно. Оформи развод и живи счастливо. Хочу предостеречь – будь осторожен с красивыми молодыми девушками, которые станут с тобой знакомиться, скорей всего ими будет руководить корысть. Прощай, очень люблю, Ксюша». Следующая бумага – заявление в суд о разводе.

– Что это? – удивилась я.

– Как видите, – пожал плечами Олег.

– Где вы это нашли?

Писемский нервно закурил и сообщил:

– В театре.

– Где?

– Мы пошли сегодня во МХАТ, – начал объяснять бензинщик, – там была премьера. Хороший спектакль, но очень тягостный.

В антракте они сходили в буфет, съели несколько бутербродов, выпили шампанского... Потом прозвенел звонок, и Ксюша внезапно сказала:

– Прихвати мою сумочку и иди в зал, я загляну в туалет.

Олег Яковлевич взял расшитый бисером мешочек и сел на место. Тут же потух свет и началось действие. Шли минуты, но жена не появлялась. Писемский подумал, что она опоздала к началу и тетки, стоящие на входе, не пустили супругу в зал во время действия. Мхатовские билетерши крайне ревностно относятся к своим обязанностям. Скорей всего, думал Олег, Ксюша сидит в буфете. Он даже хотел встать и уйти, но места у них были во втором ряду, в самом центре, пришлось бы на глазах у старательно изображающих трагедию артистов поднимать из кресел десять человек, и Олег Яковлевич постеснялся.

Лишь только упал занавес, Писемский вышел в холл, но Ксюши нигде не оказалось – ни в буфете, ни в фойе, ни у гардероба. Муж даже заглянул в дамскую комнату, но жена словно испарилась. Самое странное было то, что она ушла без верхней одежды. Красивая шубка из светлой норки преспокойненько осталась висеть на вешалке, да и номерок лежал в кармане у Олега Яковлевича.

В страшном волнении, дождавшись, пока публика покинет театр, Писемский побежал к администратору. Сначала сделали объявление по радио, потом методично обыскали театр, заглянули везде, даже на новую сцену, Ксюта словно испарилась. Ушла декабрьской ночью,

при жутком морозе в бархатном платье с открытой спиной и элегантных лодочках на десятисантиметровых каблуках, без денег и документов.

Олег Яковлевич помчался домой в тайной надежде найти там беглянку. Может, ей просто взбрела дурь в голову, опоздала к началу, не попала в зал, распахнулась и уехала на такси. Мысль о том, что Камергерский проезд, где расположен МХАТ, превращен в пешеходную зону и до такси полуголой Ксюте пришлось бы идти на Тверскую, Писемский старательно прогнал.

Квартира встретила его темнотой и тишиной. Крикнув для порядка пару раз: «Ксюнчик, ты здесь?» – муж швырнул на пол бисерную торбочку.

Завязочки распустились, выпало письмо.

– Наверное, надо идти в милицию, – вздохнула я.

Олег Яковлевич прищурился и довольно зло сказал:

– Ну уж нет! Я предпочитаю не иметь дела с ментами. Гадкие, подлые люди, даже заявление не возьмут.

– Почему?

Писемский хмыкнул:

– Эти сволочи не хотят лишней работы, поглядят на письмо и заявят: «Ваша супруга не пропала, а ушла к другому, мы не ищем неверных жен. Сами разбирайтесь».

Резон в его словах был.

– Отчего вы решили, что Ксюта у любовника?

Бензинщик всплеснул руками:

– А у кого еще? Ясное дело, подогнал машину к дверям театра и увез. Сейчас небось посмеиваются надо мной.

И он скрипнул зубами. Я аккуратно положила листочки на стол и со вздохом сказала:

– Завтра верну задаток.

– Ну уж нет, – нахмурился Писемский, – нанялись, теперь работайте, ищите Ксению.

– Зачем? – изумилась я. – Вы хотели ясности и получили ее. Любовник имеется, она к нему съехала. Разводитеесь и забудьте.

– Нет уж, – побагровел Олег Яковлевич, – давайте действуйте. Желая знать имя, отчество, фамилию и адрес счастливицы.

– Да зачем? – недоумевала я.

– Какое вам дело, – выверился бензинщик, – может, хочу удостовериться, что девочка попала в хорошие руки, она мне дорога...

Я только вздохнула и велела:

– Хорошо, показывайте ее комнату.

Писемский повел меня по бесконечному коридору и ткнул рукой в три двери:

– Вот – будуар, ванная и спальня.

Я приступила к осмотру. Очевидно, квартира делилась на две половины – женскую и мужскую. На Ксюшиной стороне располагалась ванная, сплошь забитая парфюмерией и косметикой. Огромное розовое джакузи с латунными кранами, на небольшой полочке – пузатая бутылочка «Арманьяка».

– Она пила?

– Нет, упаси бог, наливала в воду, когда ополаскивала голову, говорит, очень хорошо волосы после коньяка блестят.

Да уж, до такой феньки даже я не додумалась в прошлой жизни.

Десятки баночек, флакончиков, тюбиков громоздились в шкафчиках. В воздухе витал слабый аромат. Я повела носом. Надо же, «Шанель», старая добрая классика. Сейчас молодежь не слишком жалуется старушку Коко, предпочитая «Кензо», «Эскаду» и другой новомодный, но не всегда качественный парфюм. Ксюша же обладала хорошим вкусом и не гналась за модой.

Будуар напоминал комнату девочки-подростка, никак не желавшей расстаться с детством. Повсюду – на диване, креслах и комодиках сидели плюшевые игрушки: мягкие собачки, кошечки, слоники... Да и обстановка сильно смахивала на домик Барби. Розовые занавески с рюшечками, ковер цвета молочного поросенка, мебель, обитая ярко-красным бархатом, и куча позолоченных статуэток, изображающих псевдогреческих богов и богинь. В общем, мрак. Да еще повсюду торчали плошки с ароматическими свечами, и запах в будуаре стоял соответственный, меня чуть не стошнило от сладко-приторного аромата. Но Олег Яковлевич принял, грустно сказал:

– Детка так любила эту комнату, сама обставляла, украшала...

Из будуара дверь вела в супружескую спальню. Она была обставлена более скромно. Из мебели лишь огромная кровать с резной дубовой спинкой и две тумбочки. Но покрывало опять цвета закатного солнца и все усеяно бантиками. Подушки вдеты в чехлы. Очевидно, справа было место Олега Яковлевича, потому что там на тумбочке стоял пузырек с валокордином, лежали очки и стопочка детективов Незнанского. Слева же, на такой же тумбочке валялся новый «Космополитен» и пульт от телевизора. Большой «Филипс» был повернут влево, около него видик, внизу батарея видеокассет. В основном комедии, мелодрамы и порнуха. Ни шкафа, ни комода, ни трюмо...

– Где ее носильные вещи?

– В гардеробной.

Мы вновь вышли в коридор, и Олег Яковлевич толкнул небольшую дверку. Сказать, что я обомлела, это значит не сказать ничего.

Почти десятиметровое пространство было просто забито вещами. От стены к стене тянулись ряды полок, вешалок. Платья, костюмы, юбки, брюки, пальто, полушубки, дубленки, шубы...

Сбоку на специальных подставках устроилась обувь, просто целый магазин! Здесь же был комодик, под завязку заполненный бельем и колготками. И лифчики, и трусики неожиданно оказались простыми и даже элегантными. Никакого синтетического кружева, ленточек, завязочек, не было и сексуальных боди, поясов с резинками, чулок с подвязками. Отличное белье дорогой немецкой фирмы «Триумф». Такое носят добропорядочные бюргерши, матери семейства – чистый хлопок, абсолютно закрытое, без прибабасов. Станный выбор для девочки, выскочившей замуж за человека в два раза себя старше и сбежавшей с любовником...

– Где она хранит драгоценности?

Мы вернулись в кабинет, и хозяин открыл небольшой сейф, скрытый за чудовищной картиной с мордастым оленем.

– Вот, – вздохнул Писемский, вынимая на свет «золотой запас».

Я осторожно перебирала вещицы. В основном это были дорогие кольца с бриллиантами и изумрудами. «Новодел» – так презрительно называют ювелиры подобную продукцию. Ничего оригинального или просто привлекающего взгляд. Дорого, но неинтересно, скорей вложение денег.

– Она ничего не взяла с собой?

– Нет, – покачал головой Писемский, – даже обручальное кольцо оставила.

– Да? – удивилась я.

– Вот оно – показал Олег Яковлевич на довольно широкий золотой ободок с россыпью мелких алмазиков.

– И вас не удивило, что жена, собираясь в театр, не надела украшений?

– Да нет, – пробормотал обманутый муж, – на ней было вечернее платье от Юдашкина, глухой воротник и почти голая спина. К такому наряду ни цепочки, ни кулоны, ни ожерелья не подходят. Спереди грудь украшает обильная вышивка из стразов.

Да, это логично.

– А серьги, кольца, браслеты?

– Ну браслеты она не любила, говорила, будто они похожи на наручники. Серег просто не заметил, у Ксюши волосы закрывают уши, а кольца... Она еще вчера жаловалась на боль в суставах, все вздыхала: «Старею, артрит начинается».

Вот и не надела ничего на пальцы, наоборот, все сняла, говорила, мешают очень и руки сильней болят.

Я вздохнула, похоже, взбалмошная дама и впрямь ушла голая и нищая.

– Ладно, давайте телефоны ее родителей и ближайших подруг.

– У меня их нет, – сказал Писемский.

– Как это? – обалдела я.

– Ксюша не москвичка, – принялся бестолково объяснять мужик, – родители у нее умерли, вроде есть тетка в Подмоскowie, сейчас посмотрю.

Он порылся в бумажках и радостно сообщил:

– Точно, тетя, Раиса Константиновна Федина, проживает в Селихове, улица Космонавтов, девять, телефона нет.

– Тогда давайте номера подруг.

– Да она ни с кем не дружила...

Молоденькая девчонка не имела подружек? Студентка, живущая в общежитии, не бегала на дискотеки и вечеринки? Днями сидела на лекциях, а вечера проводила в библиотеке, чтобы в один прекрасный день упасть под колеса шикарного «Мерседеса», а потом завести любовника и убежать от богатого мужа? Чем больше я думала об этой истории, тем невероятней она мне казалась.

ГЛАВА 6

На следующее утро, выгнав домашних, кого на учебу, кого на работу, я поехала в экономическую академию.

Все-таки нельзя разрешать любому учебному заведению гордо именовать себя университетом или академией. Большинство из них и на звание института не тянет, кафедрами заведуют кандидаты наук, иностранного языка нет и в помине, а профилирующие предметы читают древние старушки, поминутно теряющие нить рассказа.

Экономическая академия, где обучалась Ксюша, была как раз из таких. Грязные, обшарпанные стены, тесные аудитории с поломанной мебелью и безвозрастные преподаватели в кургузых пиджаках. Интересно, как угораздило Ксюшу подать сюда заявление! Хотя, если подумать, небось в аттестате теснились тройки, навряд ли в этом Селихове в школе давали отличные знания. Ну не в МГУ же поступать, там проходной балл о-го-го! Не всякий медалист преодолевает порог вступительных экзаменов. А в эту богом забытую «академию» скорей всего принимали всех.

Я толкнула заляпанную дверь с надписью «Канцелярия» и оказалась в довольно просторной комнате, заставленной желтыми шкафами. У окна, за письменным столом, мирно пила чай закутанная в платок тетка. Сегодня было холодно, противный северный ветер так и обжигал лицо, лучше всего сидеть в тепле и вкушать ароматный напиток. Причем, судя по отвратительному запаху, это был персиковый «Пиквик». И как только людям не жаль свои желудки?

– Вы ко мне? – довольно приветливо спросила служащая, отставляя дымящуюся чашку. Я кивнула.

– Здесь учится моя племянница, Ксения Федина. Приехала навестить, пошла в общежитие, а девочки сказали, вроде она на занятиях. Подскажите, в какую группу податься?

Заведующая канцелярией нахмурилась:

– Федина, Федина... Факультет какой?

– Не знаю.

– А курс?

– Вроде второй.

Дама с неохотой вылезла из-за стола и принялась рыться в шкафу, периодически чихая и кашляя. Наверное, у нее аллергия на пыль. Время от времени в канцелярию заглядывали студенты и заводили:

– Любовь Павловна...

– Потом, сейчас занята, – отвечала Любовь Павловна.

Наконец пальцами с облупившимся лаком она ухватила тоненькую папочку и торжествующе оповестила:

– Нашла. Ксения Федина, только ее отчислили полтора года тому назад.

– За что? – изумилась я.

Любовь Павловна развела руками:

– Обычное дело, соблазны большого города сгубили. У нас такое часто бывает. Чаю хотите?

Терпеть не могу напитков «с запахом», но под чаек беседа станет доверительней, и я с жаром выкрикнула:

– С удовольствием, большое спасибо, обожаю «Пиквик»!

Любовь Павловна вытащила из своей чашки мокрый пакетик, сунула его в огромную кружку с надписью «Кофе Глобо» и стала лить кипяток. Я приуныла. Мало того что придется глотать отвратительный «Пиквик», так еще и спитой...

– К нам в основном провинциалы поступают, – принялась разьяснять женщина, завершив «чайную церемонию», – а точнее – девочки из Подмосковья. Приходят на первый курс такие тихони, воды не замутят, глазки в пол, косички по плечам. А к зимней сессии прямо метаморфоза. Юбки короче некуда, на лице боевая раскраска, вместо косичек – «мокрая» химия. Им не до учебы. Ну что они в своей жизни видели? Родители – алкоголики, туалет во дворе, и корова недоеная орет...

Ошалев от огней большого города девчонки напропалую кидались в омут развлечений. Институт – не школа. Уроки каждый день не проверяют, посещаемость в журнале не регистрируют, гуляй – не хочу. Большинство так и поступало, отсыпаясь днем и бегая ночью по дискотекам и дешевым клубам. Отрезвление наступало во время сессии. Получив пару «неудов», студентки брались за ум и начинали непрожеванными кусками заглатывать знания по экономике. Кое-кому это удавалось, но на курсе всегда было три-четыре девчонки, которым море по колено. Таких не пугала ни сессия, ни отчисления. День, да мой. Вот Ксюша Федина оказалась из их числа.

В зимнюю сессию на первом курсе она не сдала экзамен. Ей сначала просто погрозили пальцем, потом в летнюю она завалила еще два и следующей зимой вновь оказалась с «хвостом». Терпение декана лопнуло, и на свет явился приказ о ее отчислении.

– Вы скажите своей племяннице, – внушала Любовь Павловна, – что наш ректор, Сергей Петрович, до безобразия добр. Сначала подписывает бумаги, а потом переживает и принимает дурочек назад, на следующий год просто восстанавливает. Пусть Ксения приходит, сдает задолженности и учится за милую душу. Небось поумнела.

Я вздохнула:

– Ксюша – девушка взбалмошная и своевольная. Она никому из нас не сообщила, что отчислена. И где живет, ума не приложу!

– А вы идите к ее бывшим одногруппницам, – посоветовала заведующая, – девчонки все друг про друга знают. Если поторопитесь, всех на третьем этаже застанете, группа 8 г, аудитория 34.

Поблагодарив за чай и дружеское расположение, я побежала вверх по выщербленным ступенькам. Тридцать четвертая аудитория оказалась закрыта, коридор пуст, но из-за угла доносился веселый смех. Я прошла в конец длинного коридора, обнаружила дверь на другую лестницу, а на ступеньках несколько девиц с сигаретами. При виде меня они настороженно замолчали и попытались спрятать тлеющий «Парламент». Чтобы не пугать их окончательно, я быстро произнесла:

– Здравствуйте, я ищу Федину.

– Ксюшу? – спросила хорошенькая брюнеточка в невероятно коротком и узком красном платье.

– Да.

Девушка надула очаровательные губки и сообщила:

– А ее выперли.

– Знаю, только домой Ксения не вернулась, не подскажете, где она может быть?

– Зачем вам? – поинтересовалась маленькая, похожая на большого кролика девочка.

– Федина отправила свою фотографию на «Мосфильм», в картотеку статистов. Ее лицо понравилось Никите Сергеевичу, и он хочет пригласить ее в картину.

– Ох и не фига себе! – выкрикнули девицы в голос.

Потом брюнетка с жалостью сказала:

– Она не слишком с нами дружила.

– Да, – подтвердил «кролик», – все с Викой Поповой гужевалась, секретничала да хихикала. Ну да Викуша у нас девочка богатая, вот Ксюха небось и думала, что и ей обломится.

– Попова в общежитии живет?

– Нет, – усмехнулась черненькая, – ей запахло, папашка квартиру снимает.

– Адрес знаете?

Девчонки покачали головами.

– У богатеньких своя тусовка, – пояснил «кролик», – мы им, так сказать, не пара.

И они оглушительно захохотали.

– Ксения тоже из обеспеченных?

– Голь перекатная, – вступила в разговор рыженькая девчушка в очках, – нищая, как мы.

– Как же богатые к себе пустили голодранку? – удивилась я.

– Ну, должен кто-то за Викой сумку таскать и колготы стирать, – довольно злобно выплюнула брюнетка, – Ксюха просто в прислугу превратилась.

– Да уж, – протянул «кролик», – прямо противно смотреть было. Викуля пальчиком помахивает, а Ксюха сломя голову несется.

– За кофточка старалась, – фыркнула рыженькая.

– Один раз ей Вика шубу скинула, из козлика, всю потертую, а наша дурочка в ней на занятия явилась, – ехидничал «кролик». – Хоть бы постеснялась, все кругом знали, с чьего плеча обновка.

Они еще долго могли самозабвенно сплетничать, но я прервала ядовитые речи:

– Кто-нибудь может знать координаты Вики?

– Может, Антон? – неуверенно пробормотала молчавшая до сих пор девица с прыщавым личиком.

– Точно, – оживилась брюнетка, – у них роман был, идите в библиотеку, на второй этаж, и спросите его.

– Думаете, он там?

Девчонки засмеялись. Потом рыженькая подтвердила:

– Где же ему еще быть, нашему Ломоносову. Там, там, не сомневайтесь.

Я двинулась было к лестнице, но притормозила:

– Как я узнаю его? Хоть фамилию скажите...

Девушки вновь захихикали, они находились в счастливом возрасте, когда любая сказанная фраза кажется остроумной.

– Он там один сидит, в читальном зале, – улыбаясь во весь рот, объяснила рыженькая, – больше таких идиотов нет – в пятницу над курсовой чахнуть!

– Красный диплом получить хочет, – хмыкнул «кролик».

– Знания копит, – заржала брюнетка, – прямо обидно, такой красавчик, а книжный червь!

Провожаемая их глупыми репликами, я спустилась на этаж ниже и, поплутав по темным и не слишком чистым коридорам, нашла наконец библиотеку.

Девицы оказались правы. Довольно просторная комната, заставленная стеллажами и письменными столами, оказалась пуста. Никто из студентов не рвался изучать первоисточники и конспектировать обязательную литературу. Только у окна, обложившись томами, лихорадочно строчил что-то в тетради темноволосый парень.

– Вы Антон? – спросила я, подойдя поближе.

Юноша вздрогнул, положил копеечную пластмассовую ручку на стол и посмотрел на меня:

– Да.

Что ж, девчонок-сплетниц можно понять. Парень оказался хорош, словно греческий бог. Большие, слегка раскосые темно-карие глаза, легкая смуглота щек, прямой нос, будто нарисованные брови и рот, который авторы книг времен Возрождения называли «лук Амура». Каштановые волосы вились крупными кольцами, а руки с узкими ладонями и длинными пальцами выдавали артистическую натуру. Небось в детстве закончил музыкальную школу.

– Вы знаете, где найти Вику Попову?

– Почему я должен давать вам ее адрес? – вопросом на вопрос ответил Ромео и встал.

Стало понятно, что и фигура у парня классная – рост примерно метр восемьдесят пять, плечи широкие, под тоненьким свитерком перекачиваются литые мускулы, а талия узкая, любая манекенщица позавидует.

Я вновь рассказала сказочку о съемках у Михалкова и поинтересовалась:

– А что, адрес Поповой – стратегический секрет?

Парень улыбнулся:

– Нет, конечно, только она не хочет, чтобы весь институт в гости шлялся. Тут такие кадры учатся, халявщики... Вам, конечно, дам, пишете – улица Самсоновская, дом восемнадцать, квартира шесть.

– Ксюша Федина у нее живет?

Красавец пожал плечами:

– Ксюха меня мало волнует.

Я почувствовала, что начинаю злиться.

– Разве я спрашивала о волнении? Живут они вместе?

Антон замялся:

– Сейчас не знаю, мы с Викой расплевались, не сошлись, так сказать, характерами, но, когда дружбу водили, Ксюха у нее вместо домработницы была – убирать, постирать, жратву приготовить...

– Она ей платила?

– Не деньгами, вещи сбрасывала, косметику дарила, ну и кормила, сигареты совала... Правда, пару раз баксы давала, вроде в долг, а уж вернула Ксюха или нет, честно говоря, не знаю, да и неинтересно мне это. А вам зачем?

– Господин Михалков предъявляет высокие требования к моральным качествам актеров, – принялась я врать, – прежде чем пригласить неизвестную девушку в картину, сначала хочет собрать о ней сведения.

– А-а, – протянул Антон, – понятно, только я грешным делом думал, что на студии все живут друг с другом. Езжайте к Вике, она все про Ксюху выложит, как на ладони представит...

Я кивнула и пошла к двери, на пороге обернулась и увидела, что Антон преспокойненько уселся за конспекты. Очевидно, его ничто не волновало, кроме учебы.

Самсоновская улица оказалась не так далеко, всего в двух троллейбусных остановках, а дом восемнадцать выглядел респектабельно, если не сказать богато. Просторный подъезд, застеленный ковровым покрытием, улыбающаяся консьержка, и в лифте пахло хорошими сигаретами.

Вика Попова сидела дома. Вернее, лежала, скорей всего вчера вечером девица шумно провела время в компании друзей и бутылок, а сегодня расплачивалась за это головной болью и тошнотой.

– Вы ко мне? – нехотя процедила она, прищуривая выпуклые глаза.

– Да, – коротко ответила я.

– Ну и зачем, интересно? – моментально встала в боевую стойку нахалка. – Кажется, мы незнакомы!

Краем глаза я заметила, что в большой комнате на столе полно грязной посуды, а среди мисок и тарелок возвышаются почти опустошенные бутылки...

– Мы с вами и впрямь незнакомы, – ласково пропела я, – только ваши соседи снизу вчера пожаловались в домоуправление на то, что в верхней квартире ужасно шумят и им не дают отдыхать. А поскольку вы снимаете квартиру, меня прислали разобраться в ситуации.

Вика слегка присмирела и сбавила тон:

– Ну какие странные люди, один-единственный раз пошумели, день рождения у меня вчера был!

– Поздравляю, – прочирикала я, входя в комнату.

Судя по разгрому, тут гулял целый эскадрон гусар, причем вместе с лошадьми.

– Да и сидели не допоздна, – пожимала плечами Вика, – в полдвенадцатого разошлись.

– По закону шуметь можно до одиннадцати.

– Ну неужели из-за получаса сразу надо на рога становиться, – заявила наглая девчонка, – и потом, могли в дверь позвонить или по телефону. Так ведь? Никто ведь не возражал, а утром вас прислали!

– Деточка, – тихо сказала я, – на вас собираются наложить штраф, но я попробую уладить миром, только...

– Сколько? – деловито осведомилась Попова, хватаясь за кошелек. – Давайте вам сразу уплачу, а вы дело прикроете.

– Денег мне не надо, лучше скажите, где найти Ксению Федину.

– Ксюху? – изумилась Вика. – Так вы не из домоуправления!

Поняв, что имидж был выбран неправильно, я ответила:

– Ну, не совсем.

– Ага, – торжествующе взвизгнула девушка, – ага, так я и знала, еще когда говорила, что Ксюха дрянь. Вы из милиции, небось эта гадина на воровстве попалась!

– Отчего у вас такое мнение? – осторожно поинтересовалась я.

Но Вика была, очевидно, крайне избалованна и глуповата. Ее большие, но какие-то лягушачьи глаза зажглись мстительным огнем, пухлые губки надулись и выплюнули:

– Да ладно, передо мной чего прикидываться. Я милицию носом за три километра чую.

– Неужели? – изумилась я.

– А то, – фыркнула девчонка, – со мной можно говорить откровенно, знаете, кто моя мама?

– Ну? – осторожно поинтересовалась я.

– Генеральный прокурор Калабинского района, – ухмыльнулась Вика и торжествующе глянула неприятными глазами.

– Это полностью меняет дело, – серьезно сказала я, – разрешите представиться, майор Романова с Петровки. Где мы можем поговорить?

– Пошли на кухню, – велела хозяйка и побежала по коридору.

Не слишком большая кухонька оказалась чистенькой и аккуратно прибранной. Вика вытащила из шкафчика банку дорожущего «Кап Коломбо» и, включив хорошенький чайник «Тефаль», с чувством произнесла:

– Так и знала, что она в розыск попадет. Что случилось?

Я развела руками:

– Ведутся оперативно-разыскные мероприятия, сами понимаете, тайна следствия!

– Да уж, не дура, – ответила Вика.

– Но раз ваша мама трудится прокурором, – сладко пела я, – сделаю исключение и сообщу – Ксения Федина разыскивается по подозрению в совершении преступления...

Довольная, что ради нее нарушили букву закона, Вика быстро встала:

– Воровка!

– Правоохранительные органы будут очень благодарны, если вы сообщите ее адрес и дадите психологический портрет.

– Сейчас все про эту дрянь расскажу, – воодушевилась Вика, – слушайте!

ГЛАВА 7

Вике повезло с самого рождения. На свет она появилась в более чем обеспеченной и благополучной семье. Папа – директор одной из крупнейших фабрик Подмосковья и мама – прокурор области. Добротный двухэтажный дом со всеми удобствами, две машины, домработница и никаких мыслей о деньгах – в такой обстановке прошло детство Вики. Городок, где жила семья Поповых, – небольшой, почти все взрослое население работало на фабрике у Викиного папы, Юрия Петровича. Можно смело сказать, что он был для жителей Калабина царь и бог. Мог наградить, а мог и прогнать, сделать безработным и нищим.

Маленькая Вика не очень хорошо понимала, почему все вокруг ей улыбаются. В школе она вначале великолепно училась. Почти у всех учительниц мужья утром шли на производство, где начальствовал Попов, наверное, поэтому ей ставили четверку тогда, когда другие дети получали тройку.

Где-то к пятому классу Вика разобралась в происходящем и принялась нещадно эксплуатировать свое положение. В классе ее не любили. Чуть что, Попова бежала к учителям с кляузой, а все споры всегда решались только в ее пользу. Но несмотря на такую лояльность педагогического коллектива, учеба шла все хуже и хуже, и к одиннадцатому классу в дневнике пестрели тройки. Юрий Петрович призадумался. Дочь должна получить диплом о высшем образовании, но в крохотном Калабине никаких институтов не наблюдалось, оставался только один путь – подыскать соответствующее учебное заведение в Москве, не слишком престижное, потому что на МГУ Вика явно не тянула. Родители могли поднапрячься и пропихнуть чадо на экономфак, но ведь мало преодолеть вступительные экзамены, нужно еще проучиться пять лет.

Вот поэтому и выбрали экономическую академию. Называется красиво, а требования такие, что даже Вика сможет успевать.

Поступила девчонка спокойно. На платное отделение принимали всех без исключения.

На первом курсе Вика с тоской констатировала, что больше не является уникальной личностью. В Калабине на всех вечеринках, которые она осчастлививала своим появлением, дочь всемогущего директора моментально становилась центром компании. Мальчишки, побросав девчонок, сломая голову кидались ухаживать за ней, взрослые моментально сажали ее в центр стола поближе к коронному блюду хозяйки – пирожкам или холодцу...

В Москве все оказалось иначе. Курс четко делился на бедных и богатых. Последних было меньше, и Вику приняли в избранный круг, но на третьих ролях. Пальма первенства безоговорочно принадлежала Розе Гловой, чей папа работал не где-нибудь, а в ООН. Потом шли Женя Пересветова с родителями – модными гинекологами, Наташа Рябкина, чья мама без конца писала дамские романы, Катя Кочина – дочь эстрадного певца... Словом, районный прокурор и директор фабрики в этой тусовке просто не котировались. Да и обеспечены эти студентки оказались намного лучше Вики. Роза подметала пол норковой шубкой, Женя щеголяла в бриллиантах, а Катя и Наташа ездили на собственных машинах. У всех в элегантных сумочках лежали сотовые телефоны, на поясах висели пейджеры... В общем, Вика ощущала себя Золушкой, незнакомое и крайне некомфортное для нее состояние.

Девчонка метнулась домой и устроила предкам жуткий скандал. Папа почесал в затылке и признал законность ее требований. Его любимая дочурка не должна никому завидовать, и к Новому году у Вики появились прехорошенькая шубка, мобильный и новенькая симпатичная «Нива» цвета баклажан. Но все равно, это было не то. Шубку сшили из белки, «Нива» явно проигрывала рядом с красавцем «Фольксвагеном», а мобильник оказался подключенным к дешевому «кривому» номеру, через восьмерку.

Так что удивить богачек и прорваться в первую тройку Поповой не удалось. Ее, правда, всегда приглашали на вечеринки, но Вике приходилось сидеть в кресле, изображая усталость,

потому что малочисленные местные кавалеры обращали на нее внимание только тогда, когда «основной состав» отказывался плясать.

От злости Вика завела дружбу с Ксюшей Феединой. Для тихой, робкой Ксюты материальное положение Поповой казалось невероятным богатством. Ксения родилась и выросла совсем в других, отнюдь не тепличных условиях. Мамочка, всю жизнь работающая дояркой на ферме, куча братьев и полное отсутствие отца. Ксюта, заикаясь, бормотала, будто папенька служил капитаном на военном корабле и погиб при исполнении особо опасного задания, но студентки только хихикали ей вслед. Капитан! Как же слышали, слышали...

С малолетства Ксюха умела все – наколоть дрова, притащить тяжеленные ведра с водой, запарить болтушку для свиней и вскопать огород под картошку. Но в придачу к умелым нелепым рукам господь наградил ее отличной головой. Девочка училась играючи, схватывая на лету любые объяснения. Алгебра, геометрия, английский... По всем предметам в ее дневнике тесной толпой стояли пятерки. После восьмого класса к Ксюшиной маме, Раисе Петровне, явился почти весь педагогический коллектив сельской школы и начал упрашивать разрешить девочке ездить в райцентр для продолжения образования.

Замороженная жизнью, Раиса только пожалала плечами.

– Хрен с ней. Охота девке в шесть утра подниматься, чтобы на автобус поспеть, пусть ее, перечить не стану, лишь бы поросят вовремя кормила!

Ксюте была охота, уж очень хотелось выучиться «чистой» профессии – стать врачом, учителем или бухгалтером и сидеть весь рабочий день в теплом помещении, а не швырять лопатой навоз, как мамочка на продуваемом всеми ветрами дворе.

Встав в шесть утра, Ксюша бегала на автобус, ехать было далеко, а занятия в областных школах начинались в восемь, сельские жители спешат начать день пораньше. Что девятый, что десятый, что одиннадцатый класс были закончены на круглые пятерки. Ясным июньским днем у нее в кармане оказался аттестат и золотая медаль. С таким багажом Ксюша уехала покорять Москву, просто сбежала поздно вечером, когда мать улеглась спать. До этого они крепко поругались. Раиса Петровна категорически запретила дочери ехать в город.

– Где родился, там и пригодился, – изрекла мамочка расхожую крестьянскую истину, – ну за каким чертом тебе Москва ихняя? Вон в райцентре ветеринарное училище, поступай себе, чем плохо?

Но Ксения не хотела быть ветеринаром и бегать потом по локоть в грязи возле занедужившей коровы. Будущее представлялось ей иным – светлым и чистым.

Приехав в столицу, девочка купила в газетном ларьке справочник для поступающих в вузы. Плехановский и экономфак МГУ она отмела сразу, сомневаясь в своих силах. А в заштатную академию поступила моментально, сдав на пятерку математику.

Началось учение. Оно вновь давалось Ксюше легко, хуже было терпеть голод. Дома они питались просто, но сытно – щи, картошка... Мясо, молоко и масло были свои, в огороде вырастали овощи. В августе зрели яблоки... В сараюшке кудахтали несušки, и Ксюня частенько делала себе на ночь яишницу с луком и салом. На сытый желудок ей отлично спалось.

В столице потекла иная жизнь. Дороговизна просто ужасала. В первое время стипендию удавалось растянуть лишь на пять дней. Ксюта просто хваталась за голову. Молоко, которое она, как сельская жительница, и за еду-то не считала, стоило невероятную сумму, яйца и того больше. Масло, творог, колбаса были недоступны, а покупка новых, даже самых дешевых колготок пробивала в бюджете зияющую брешь. Ксения запасла пшеницу и варила кашу на воде. В зимнюю сессию она завалила экзамен. Голова кружилась и болела, в носу щипало, у нее начался грипп.

В январе к ней подошла одногруппница из богатеньких, Вика Попова, и небрежным голосом заявила:

– Хочешь заработать?

Ксюша с надеждой глянула на нее:

– Очень.

– Тогда вымой мою машину.

Привычная к физическому труду, Ксюта в мгновение ока справилась с заданием и получила двадцать рублей. Так она превратилась в Викину прислугу: убирала квартиру, стирала белье, готовила, бегала за продуктами и писала за хозяйку рефераты. В мае Вика велела отправляться вместо нее на практику.

– Но у меня тоже практика, – попробовала возразить Ксюша.

– Что-нибудь придумаешь, – отмахнулась Вика.

– Не могу, – покачала головой Федина.

– Сто долларов, – коротко сообщила Попова.

Ксюша заколебалась. Мамочка давно простила дочери побег и теперь частенько писала письма с просьбами. Ксюта, приезжая домой, всегда привозила подарки. Сто долларов были нужны позарез, и девушка согласилась.

Благополучно отработав под именем Викторией Поповой в банке, Ксения получила самые благожелательные отзывы. Вика начала сдавать на тройки сессию, а у Ксюты появились нешуточные проблемы – практика не пройдена, и к экзаменам ее не допустили.

– Ты все пела, это дело, – процитировала куратор курса басню И. Крылова, – теперь выкручивайся, как хочешь.

И Ксюшу отчислили. Примерно месяц она жила у Вики, подавая той кофе в постель, но в ноябре, воспользовавшись выходными днями, Попова уехала к родителям, велев «домработнице» сделать генеральную уборку. Но вернулась она в неубранную квартиру.

Поставив в холле дорожную сумку, Вика вскипела от злости. Повсюду мотались клоки пыли, воздух был затхлый, и в довершение всего на кухне обнаружилась початая бутылка псевдофранцузского коньяка, испорченная банка шпрот и заветренные куски сыра. Прислуга явно принимала гостей.

Вне себя от негодования, Вика влетела в спальню и чуть не затопала ногами. Белье из большого шкафа было просто вывалено на пол, сверху лежала открытая коробочка из-под вафель. В ней Вика держала деньги. Не оказалось на месте и двух золотых цепочек, кольца с небольшим бриллиантом и гранатовых серег, а из ванной исчезло кое-что из косметики и непечатый флакон французских духов.

Задыхаясь от негодования, Вика позвонила родителям. Но те неожиданно отнеслись к ситуации спокойно.

– Сколько денег пропало? – поинтересовался папа.

– Пятьсот долларов, – разрыдалась дочурка, – сейчас в милицию пойду.

– Даже не думай, – остановил ее отец, – не стоит из-за копеек нервы портить, начнутся допросы, станут придирааться, что не живешь по месту регистрации, в общежитии, а на съемной квартире. Забудь, доченька. Деньги получишь в среду, как раз okazия в Москву намечается.

– Заодно наука, – добавила слушавшая по другой трубке мать, – незачем пускать в дом голодранок, дружить следует с ровней. Смотри никому не рассказывай, будешь дурочкой лопухой выглядеть.

Скрепя сердце, Вика согласилась молчать о происшествии и даже не сообщила в учебную часть о случившемся.

– Когда это произошло? – поинтересовалась я.

– Полтора года тому назад, – охотно ответила собеседница и спросила: – Если вы сейчас ее за воровство поймали, могу я заявить о краже?

– Скорей всего нет, – охладила я мстительный пыл девчонки.

Та только раздраженно вздохнула.

– Значит, вы не знаете адрес Фединой?

– Понятия не имею.

– А где она жила, уйдя от вас?

– Черт ее знает, – отрезала Попова, – на помойке небось. Хотя скорей всего домой вернулась, к матери.

– Куда?

– Сейчас, – засуетилась Вика и принялась перебирать довольно пухлый ежедневник, – где-то здесь был, ага, вот он, пишите – Московская область, поселок Селихово, улица Матросова, дом 12. Раиса Петровна – это мать.

Назад я ехала в полупустом вагоне, тихо покачиваясь в такт движению поезда. Час пик еще не начался, и в метро пока не было раздраженной, усталой толпы. В голове крутилось сразу много мыслей, что-то было не так... Странная девочка Ксюша! И где она только обреталась несколько месяцев до встречи с будущим мужем? Но ведь где-то же она спала, ела и, наверное, работала. Пятьсот баксов, конечно, неплохая сумма, да и цепочки с колечком можно продать, только вырученной суммы все равно не хватит на жизнь в Москве. Столица – дорогой город. Хотя, если питаться кефиром... Нет, наверное, она все-таки вернулась домой. Во всяком случае, такую возможность нельзя отметать. И потом, получается крайне логично. Если, совершив преступление, девица спешно спряталась в родном доме, то и сейчас небось, после побега от мужа, там. Правда, совершенно непонятно, зачем ей уходить от богатого мужа, выполнявшего все ее капризы? Может, нашла более обеспеченного любовника? Тогда она у него... И еще странность – Писемский тоже назвал деревню Селихово, но улица другая – Космонавтов.

Вздыхнув, я попыталась собрать в кучу расплывшиеся мысли. Ладно, завтра поеду в это Селихово и произведу разведку боем, а сейчас лучше поразмышляем на тему ужина – что вкуснее: курица или мясо? Кирюшка обожает цыплят, зато Юля равнодушна к котлетам с зажаренной корочкой...

Перебирая в уме разнообразные варианты еды, я вышла на улицу и, покупая у разбитой хохлушки мандарины, неожиданно подумала: «Интересно, откуда девушка, приехавшая из небольшого подмосковного городка, знает, как неудобны на запястьях наручники?» В уме сразу всплыл образ Олега Яковлевича и прозвучал его усталый голос: «Нет, браслеты жена не любила и никогда не надевала, говорила, что они напоминают ей наручники».

Напоминают! Она что, провела часть своей юной жизни со скованными руками?

ГЛАВА 8

Домой я влетела, как всегда, обвешанная пудовыми сумками. Животные необычайно оживились и принялись тыкаться носами в пакеты. Сейчас к нашей стае временно прибавился дрессированный кот, принадлежавший ранее умершей Светлане Ломакиной. Я не хотела рассказывать домашним про ночное приключение, и Кирилл увешал весь район объявлениями: «Найден необыкновенно умный дрессированный кот, любит купаться. На шее дорогой ошейник с медальоном».

Правда, ошейник мы потеряли. Катя сняла его, перед тем как засунуть животное в ванну, и голубая полоска как сквозь землю провалилась.

– Неудобно получается, – вздыхала подруга, – объявятся хозяева, а мы куда-то ошейник задевали. Дорогая вещичка, широкий, похоже, из кожи, да и медальон сильно на золотой смахивал.

– Ну уж ты скажешь, прямо-таки золотой, – улыбнулась Юлечка, – кто же коту на шею драгоценность повесит!

– Не скажи, – вступил в разговор Сережка, – знаешь, какие хозяева бывают ненормальные, может, эти из таких, явятся за Морисом и потребуют: где наш ошейник с платиной и бриллиантами, что тогда делать станем?

– Как ты его назвал? – переспросила Катя.

– Морис, – ответил сын.

– С чего ты взял, что это его имя?

– А я вчера взял словарь имен, – пояснил Сережка, – и начал вслух читать, да сами посмотрите.

Он сел возле кота и проникновенно спросил:

– Ну и как тебя зовут? Барсик? Рыжик? Леопольд? Андрей? Антон? Может, Морис?

Кот быстро повернул голову и издал короткий звук:

– Мяу.

– Видали? – сказал Сережка.

– Морис! – позвала я.

Кот встал, подошел к моим ногам, уселся прямо на тапочки и ответил:

– Мяу.

– С ума сойти, – пробормотала Юля, – может, он вообще все понимает? Морис, хочешь кушать?

Сохраняя полное достоинство, животное прошествовало к холодильнику. Положило передние лапы на дверцу и выжидательно глянуло на Юлю:

– Мяу.

– Просто дрожь пробирает, – ахнула девушка, доставая мелко нарубленную говядину, – а вдруг он инопланетянин, посланец вселенского разума?

– Или мальчик, которого заколдовала злая ведьма, – пустился в фантазии Кирюшка.

– Мальчик поглупей будет, – съехидничал Сережка, – этот на академика тянет.

– Я тебя сейчас тресну! – завопил младший.

– Попробуй, – ухмыльнулся старший.

Кирюшка с воплем налетел на брата, тот в мгновение ока скрутил его и поволок в ванную.

– Мама, – орал Кирюшка, – скажи ему!..

– Мама тут ни при чем, – вещал Сережка, пуская душ, – никакая мама не поможет, только холодная вода остудит горячую голову моего братца.

Послышался плеск, потом визг... Сережка с грохотом протопал по коридору в спальню. Через секунду в ту же сторону с кличем команчей пролетел абсолютно мокрый Кирюшка, раз-

махивающий щеткой с длинной ручкой, и с воплем: «Сейчас тебе мало не покажется!» – мальчишка начал ломиться в дверь к брату.

Сережка неожиданно распахнул дверь, Кирюшка потерял равновесие и влетел внутрь.

– Ну, поглядим, кому мало не покажется, – возвестил Сергей и тотчас же до нашего слуха начали доноситься сочные шлепки, потом заскрипела кровать и задвигались кресла.

– Они сейчас мебель разломают, – вздохнула я.

– Главное, не вмешиваться, – сказала Катя, – сами разберутся.

В кухне весело пускал пар чайник, телевизор гремел, сообщая последние новости, Катя и Юля завели громкий разговор, планируя, как лучше провести выходные... В спальне уже не просто летала из угла в угол мебель, там, похоже, крушили стены и разбирали потолок. Собаки лаяли, бегая взад и вперед по коридору, кошки предпочли спрятаться, и только Морис тихо сидел на подоконнике, взглядом философа созерцая весь тарарам. Я погладила его крупную ушастую голову. Кот перевел на меня загадочные желто-зеленые глаза и вздохнул, как человек. Чувствуя, что сейчас упаду от усталости и засну прямо на полу, я, отказавшись от ужина, пошла к себе и рухнула на диван. Тут же принеслись мопсы и принялись шумно выяснять, кто займет лучшее место прямо у моего подбородка. В пылу спора Муля несколько раз грохалась тучным задом на мое лицо, а Ада бегала взад-вперед по подушке, нещадно царапаясь. Кое-как скинув их на пол, я закрыла глаза. Сквозь подступающий сон я почувствовала толчки: увидав, что хозяйка задремала, мопсы вновь принялись делить территорию.

Нет ничего гаже, чем вставать в выходной день около шести. Но у меня просто не было другого выхода. Селихово расположено на краю света. Сначала два часа на электричке до Коломны, а потом бог знает сколько на местном автобусе до некоего Ромашина, далее следовало передвигаться пешком либо на попутном транспорте.

В электричке стоял зверский холод. Не успела я развернуть только что купленный журнал «Мир криминала», как над головой раздался громовой бас:

– Граждане пассажиры, вашему вниманию предлагаются качественные газовые зажигалки по типу «Ронсон». Невероятно удобная вещь, элегантно оформленная, можно переделывать клапан, и она станет многоцветной. Цена намного меньше, чем в ларьках и магазинах.

Я обернулась. Тощий парень с испитым лицом держал над головой дешевую зажигалку черного цвета с белой надписью «Ronson». Пассажиры тихо дремали, уткнув носы в воротники. Продавец не спешил уходить, с надеждой оглядывая потенциальных покупателей, но никто не торопился обзавестись огнем «по типу Ронсон». Мне стало жаль неудачника, и руки сами собой раскрыли кошелек. Но не успела я, пощелкав зажигалкой, убедиться, что та после исчезновения «дилера» моментально перестала работать, как над ухом зачастил высокий женский голос:

– Граждане пассажиры...

На этот раз моему «вниманию предлагалась» всякая мелочь – набор ниток, клеенки, кипятильники и жуткие китайские фломастеры. Торговала этим хабаром неопределенного возраста женщина с безграничной тоской в глазах. Рядом стоял белобрысый мальчишка в девчачьих сапогах. Возраст примерно Кирюшкин, но школу не посещает, таскается коробейником по вагонам. Одна из пассажирок, старушка в грязноватой китайской куртке, протянула пацану сдобную булочку, явно купленную для себя в дорогу. Мальчишка вежливо поблагодарил и тут же вцепился зубами в мякиш.

– Господи, твоя воля, – вздохнула бабка.

Я почувствовала, как к горлу подступает комок, и поманила представительницу малого бизнеса пальцем. На этот раз в руках оказались ножницы, которые не хотели резать.

Через полчаса сумка ломилась от ненужных предметов. Коробейники тянулись нескончаемой чередой. У всех был тоскливый вид, всех было жутко жаль. Примерно через час ассор-

тимент сменился. Теперь предлагали газеты, домашние пирожки, отварную картошку... Пару раз пробегали тетки с огромными термосами, вопя:

– Чай, кофе, какао...

Потом появился тихий мужик и проникновенно зашептал:

– Кто желает согреться? Имеем ассортимент с закуской.

Мужская часть вагона крайне оживилась и стала вытаскивать кошельки. Продавец подошел к скамейке и раскрывал сумку-холодильник. Оттуда выглядывали бутылки с водкой. Из другой тары извлекались одноразовые стаканчики и нехитрые бутерброды, правда, целомудренно замотанные пленкой.

– А минеральная вода есть? – спросила я.

– Не держим, – вежливо ответила «рюмочная», – щас после Кратова Танька побегет, у нее все в наличии – «Спрайт», «Пепси» и «Буратино».

Так и вышло. На следующей станции в вагон вскочила толстощекая девчонка с рюкзаком, набитым пластиковыми бутылками. Я купила «Святой источник» и бездумно уставилась в окно. Там проносились заснеженные поля и какие-то полуразрушенные конструкции.

Наконец спустя два часа я оказалась в Коломне и чудом успела на отходящий в Ромашино автобус. Народу в небольшой желтый ящик на колесах набилась тьма. По Москве давно не ходят такие машины, но в области они, очевидно, единственный вид транспорта. Вниз по шоссе автобусик бежал довольно ходко, вверх еле полз, тяжело фыркая.

Через каждые три-четыре километра он останавливался возле очередной деревеньки, и пассажиры менялись, оставаясь парадоксальным образом внешне такими же – бабы в мохеровых шапках и пальто с «норкой», мужики в старых куртках. Одновременно с людьми в салоне мирно покачивались кролики, собаки и куры.

Только когда на остановке с милым названием «Крысово» сухонькая бабка стала затаскивать по ступенькам упирающуюся козу, водитель заорал:

– Вылазь, тетка, ты бы еще с крокодилом ехать надумала.

– Так какая от крокодила польза, – резонно ответила неконфликтная бабулька, втянув животину в салон, – ни молока, ни творога, а Машка – моя кормилица.

– Слазь, говорю, – вопил шофер, – вчерась одна такая с козлом ехала, так он все вокруг заблевал!

– Тише, тише, сыночек, – просила бабка, – моя Маня к машине привыкшая, тихонечко в уголку примостится.

– Слазь, – не успокаивался водитель, – пока не слезешь – не поедем.

Пассажиры загудели. Бабулька затряслась и чуть не плача спросила:

– Граждане, делать-то что? С собакой можно, а с козой нет?

– Слышь, парень, – буркнул огромный красномордый мужик, – хорош над людьми измываться, давай ехай!

– А ежели коза всех перепачкает, обосрется, мне убирать? – злился шофер.

– Давай ехай, – хором закричали селяне, – сами разберемся.

– Ну, как хотите, – присмирел парень и, выплескивая злобу, резко рванул вперед.

Стоящие люди попадали, как груши. Лишь одна коза удержалась на ногах. Наверное, на четырех конечностях удобнее стоять, чем на двух.

– Спасибо, граждане, – с чувством произнесла бабка, устраиваясь в углу, – кабы не вы, переть бы нам с Маней пехом.

– Отчего же пехом? – удивился тонкий парень в рваной кроличьей шапке, – ты бы, бабуся, на козу села и галопом домой!

Автобус грохнул от хохота, даже водитель засмеялся. Так, хихикая, мы добрались до церкви. Народ потянулся на выход. Ромашино, конечная.

– Где Селихово? – спросила я у шофера.

- Туточки, – ответил тот, пиная скаты, – через лесок, недалеко, километров пять будет.
- Доехать нельзя?
- На попутной только, – сообщил водила и закурил.

Я уныло оглядела пустое шоссе. Никаких признаков автомобилей, только где-то далеко-далеко тарахтит мотоцикл. Минут через пять звук приблизился, и стало понятно, что это не мопед, а совершенно диковинный вид транспорта, никогда ранее мной не виданный. Впереди один мотор без признаков капота, от него тянется длинная ручка к небольшому железному ящику на колесах. Перед ящиком на скамеечке, держась за повод, сидела баба в резиновых сапогах.

- Чего маешься? – крикнула она мне. – Подвезть?
- Спасибо, – с чувством произнесла я, устраиваясь возле водительницы.
- Не за что, – ухмыльнулась тетка, ловко управляя таратайкой, – не на плечах несут. Колеса везут. В Селихово?

Я кивнула.

- Докторша, что ли, новая?
- Нет, к Фединым, по делу.
- А-а, – протянула баба и потеряла ко мне всякий интерес.

Мы мирно тряслись по колдобистой дороге, до носа долетала вонь, очевидно, в кузове лежал навоз. Наконец тетка притормозила у пригорка и ткнула черным пальцем вбок:

- Гляди, Селихово.
- Спасибо, – вновь сказала я, одурев от тряски и запаха.
- Ступай себе, – вздохнула добрая самаритянка и добавила: – Ты там у Фединых поосторожней.
- Почему?
- Хулиганы они, – пояснила бабка и завела колымагу.

Провожаемая треском, я дошла до поворота и увидела несколько почерневших избенок с полупокосившимися заборами. «Улица Матросова, дом 12» – было намалевано белой краской на первом домишке. Недоумевая, куда подевались одиннадцать предыдущих зданий, я толкнула калитку и оказалась в захламленном дворе. Значит, Писемский ошибался, Ксюша жила не на улице Космонавтов. Слева, у полуразбитого кресла стояла огромная ржавая ванна, справа высилась поленница. Покосившиеся ступеньки жалобно запели под моей тяжестью, дверь распахнулась, и ноги ступили внутрь невероятно грязной комнаты. Всюду, куда только хватало глаз, тянулись немые банки, висели вонючие тряпки, ведра и сита.

- Есть кто живой? – крикнула я.
- Чего надоть? – раздался голос.

Тут же отворилась другая дверь, на меня пахнуло стойким ароматом перегара. В проеме стояло существо мужского пола неопределенного возраста. Красные опухшие глазки, всклокоченная сальная шевелюра, трехдневная щетина, на плечах – драный ватник, на ногах – калоши. Ален Делон, да и только. Небось, как французский актер, тоже не пьет одеколон. Правда, про бурбон, наверное, не слышал, обходится самогонкой.

- Чего надоть? – повторило небесное создание, яростно скребя подбородок черными ногтями. – Ты кто будешь, пенсию носишь?

Его глаза с надеждой заблестели, но я порушила его мечты:

- Ксения Федина здесь живет?

Если бедная девочка пошла на кражу, чтобы вырваться из этой обстановки, ее даже и упрекать нельзя!

- Ксения, Ксения, – забормотал хозяин, морщась, – кто ж это такая будет?
- Сестра твоя, уебище, – донеслось из избы.
- Ксюха! – обрадовался братец. – Так она померла!

– Когда? – спросила я, чувствуя ужасную усталость. – Когда?
Собеседник расстегнул ватник и начал чесать грудь. Может, у него блохи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.